

Краснодарский университет МВД России

Е. О. Кубякин

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ
ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
ПРЕСТУПЛЕНИЯМ НА ПОЧВЕ НЕНАВИСТИ
И ЭКСТРЕМИЗМА**

Краснодар
2018

УДК 341.4
ББК 67.412.1
К88

Одобрено
редакционно-издательским советом
Краснодарского университета
МВД России

Рецензенты:

Е. А. Матвиенко, кандидат философских наук, доцент (Волгоградская академия МВД России);

Е. В. Сальников, доктор философских наук, доцент (Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова).

Кубякин Е. О.

К88 Международный опыт правового противодействия преступлениям на почве ненависти и экстремизма / Е. О. Кубякин. – Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2018. – 122 с.

ISBN 978-5-9266-1392-3

Исходя из существующих научных взглядов на природу преступлений, совершаемых на почве ненависти и экстремизма, анализа зарубежной юридической практики противодействия деяниям указанного вида, изучения приговоров, вынесенных по делам такой категории, делаются попытки выработать подходы по противодействию данным видам преступлений.

Для профессорско-преподавательского состава, адъюнктов, курсантов, слушателей образовательных организаций МВД России, сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации.

УДК 341.4
ББК 67.412.1

ISBN 978-5-9266-1392-3

© Краснодарский университет
МВД России, 2018
© Кубякин Е. О., 2018

Глава 1. Международный опыт правового противодействия преступлениям на почве ненависти и экстремизма

1.1. Развитие зарубежного уголовного законодательства против преступлений, основанных на предубеждении

Рассматривая юридическое оформление зарубежного законодательства против преступлений на почве ненависти и экстремизма, следует отметить, что сам термин «преступление на почве ненависти» в международных нормативных правовых актах официально впервые был использован на заседании Совета министров ОБСЕ в 2003 г. в Маастрихте¹. Однако на уровне концепции позиция о необходимости введения особых нормативных актов для данного вида преступлений сформировалась на Женевском совещании в 1991 г., на котором «государства-участники выразили озабоченность по поводу преступлений на почве предубеждений (prejudice), дискриминации, вражды (hostility) или ненависти»². Понятия «преступление на почве ненависти» (hate crime) и «преступление на почве предубеждения» (bias crime) признаются синонимами³.

В международных правовых документах наряду с понятиями «экстремизм» и «преступления на почве ненависти или предубеждения» иногда используется термин «дискриминационные преступления» (discriminatory crimes), включающий рассматриваемые понятия в сферу форм *дискриминации*. В целом, как известно, признаком дискриминации характеризуется сфера гражданских отношений и услуг, сферы занятости, образования и медицины, когда функционирование учреждений или должностных лиц

¹ См. подробнее: Hate Crimes in the OSCE Region: Incidents and Responses. – Warsaw, 2013; общий обзор уголовного законодательства Евросоюза: Mitsilegas V. EU Criminal Law. Modern Studies in European Law. – Oxford, 2009; о немецком подходе к уголовному праву в указанной области (хотя в работе рассматривается главным образом англосаксонская система, ставшая флагманом в современном противодействии преступлениям на почве ненависти): Vormbaum T., Bohlander M. A Modern History of German Criminal Law. – Durham, 2014.

² Hate Crimes in the OSCE Region: Incidents and Responses. – P. 10.

³ Prosecuting Hate Crimes: A Practical Guide. – Warsaw, – 2014. – P. 20.

определяется тем или иным негативным предубеждением в отношении групповых характеристик того или иного лица, таких как раса, вероисповедание, гендерная ориентация, инвалидность.

Говоря о развитии международного права, направленного против преступлений на почве ненависти и экстремизма, следует отметить, что в 2012 г. в документе, принятом на встрече в Копенгагене, государства-участники «обязались принять эффективные меры для обеспечения защиты от любых актов, которые представляют собой подстрекательство к насилию против лиц или групп, основанное на национальной, расовой, этнической или религиозной дискриминации, враждебности или ненависти»¹.

Принципиальное значение маастрихтских соглашений заключалось в том, что международная юридическая общественность впервые выделила особый тип преступлений на почве ненависти из общей группы преступлений уголовного права.

Другим немаловажным решением по формированию правовой системы мониторинга информации по преступлениям на почве ненависти и экстремизма стали брюссельские договоренности 2006 г., в ходе которых Совет министров ОБСЕ определил особую роль Бюро по демократическим институтам и правам человека в борьбе с преступлениями на почве ненависти. В частности, было предложено «централизовать усилия по сбору статистических данных о преступлениях на почве ненависти и по формированию соответствующего законодательства, предусмотренного государствами-участниками»².

Полномочия Бюро по демократическим институтам и правам человека в отношении преступлений на почве ненависти были дополнены решением Совета министров на совещании в Афинах в 2009 г. Были утверждены положения о том, что государства-участники по мере возможности и специфики местного уголовного законодательства обязуются:

разработать специальные нормативные правовые акты, направленные на противодействие преступлениям на почве ненависти (разработка нормативной базы должна концентрироваться

¹ Hate Crimes in the OSCE Region: Incidents and Responses. – P. 10; см. о развитии законодательства против преступлений на почве ненависти с позиции ОБСЕ также в отчете: Hate Crime Laws: A Practical Guide. – 2015.

² Hate Crimes in the OSCE Region: Incidents and Responses. – P. 10.

на эффективных мерах наказания, учитывающих степень тяжести преступлений данного типа)¹;

разработать систему поощрения потерпевших, сообщающих о совершении преступлений на почве ненависти (государства-участники констатируют тот факт, что отсутствие статистических сведений или сведений, имеющих недостоверный характер по преступлениям на почве ненависти, является одной из ключевых проблем, препятствующих разработке эффективной программы противодействия).

Обобщая механизмы сбора данных о преступлениях на почве ненависти и экстремизма², можно выделить закономерности в организации сбора сведений. Так, среди государств – участников ОБСЕ сбор информации о преступлениях на почве ненависти производится следующими структурами: правоохранительными органами (26 стран), органами прокуратуры (27 стран), министерствами внутренних дел (23 страны), министерствами юстиции (21 страна) и статистическими учреждениями (38 стран)³.

Несмотря на то, что государства-участники приняли соглашение о разработке общего мониторинга по преступлениям на почве ненависти и экстремизма, дефинитивное толкование квалификационных признаков и процессуальные нормы в отношении судебной практики у этих государств существенно различаются. Так, различия в дефинициях преступлений на почве ненависти в разных юрисдикциях приводят к тому, что статистическая информация собирается только по избранным квалификационным признакам. Например, признак *этнической принадлежности*, или *происхождения*, входит в число признаков по преступлениям на почве ненависти в 35 государствах, признак *религии* – в 34, *гражданства* – в 16, *пола* – в 17, *инвалидности* – в 16, *языка* – в 14, *гендерной идентичности* – в 11 государствах⁴.

Указанные различия, безусловно, влияют на первоначальный сбор информации, поскольку, если в системе местного уголовного законодательства в дефиницию преступления на почве

¹ Hate Crimes in the OSCE Region: Incidents and Responses. – P. 11.

² См. об анализе значения статистической информации в уголовном праве: Weisburd D., Chester B., Statistics in Criminal Justice. – Boston, 2007.

³ Hate Crimes in the OSCE Region: Incidents and Responses. – P. 17.

⁴ Ibid. – P. 18.

ненависти не включен признак, например, гендерной идентичности, то преступления в отношении данной социальной группы не будут выделяться в отдельную категорию, а будут квалифицироваться по общим нормам уголовного права и, как следствие, не попадут в статистику преступлений. В рапортах от 43 государств с 2008 по 2012 г. сообщается, что «они выявляют данные о преступлениях на почве ненависти в соответствии с установленным типом преступности»¹. Наиболее частые преступления, сопровождающиеся выражением ненависти и экстремизма, согласно международному квалификационному перечню, составляют восемь категорий: убийство (40 государств); физическое нападение (*physical assault*) (39 государств); повреждение имущества (36 государств); осквернение захоронений (*grave desecrations*) (33 государства); вандализм (35 государств); угрозы или угрожающее поведение (37 государств); нападение на места отправления культа (27 государств); другие категории (27 государств).

Говоря о толковании преступлений на почве ненависти, можно отметить, что чаще всего эти преступления совпадают по своему содержанию с преступлениями *экстремистской направленности*, поскольку законы об экстремизме имеют тесную правовую и процессуальную взаимосвязь с преступлениями на почве ненависти. «Законы против экстремизма часто разрабатывались для борьбы с фашистской или неонацистской идеологиями, которые потенциально могут мотивировать к совершению преступлений на почве ненависти. Часто экстремистские преступления выражаются в преступлениях на почве ненависти, когда члены преступных групп совершают уголовное преступление с четко выраженной мотивацией ненависти или предубеждения»². Некоторые страны, разрабатывая специальные формы законодательства против преступлений на почве ненависти, особенно выделяют преступления, связанные с крайними политическими идеологиями, приводящими к насильственным действиям в отношении социальных групп³.

¹ Hate Crimes in the OSCE Region: Incidents and Responses. – P. 21.

² Ibid.

³ См. об общем исследовании политического экстремизма: Weinberg L. Political Parties and Terrorist Groups. Extremism and Democracy. – NY., 2008; об исследовании, ориентированном на информирование молодежи: Gale T. Extremist Groups. Information for Students. – NY., 2006; об особенностях немецкого ультра-правого движения: Brauntal G. Right-Wing Extremism in Contemporary Germany. New Perspectives in German Studies. – Hampshire, 2009.

Переходя к исследованию зарубежного опыта правового противодействия преступлениям на почве ненависти и экстремизма на более детальном уровне, следует отметить, что одной из авторитетнейших правовых систем в данном вопросе является уголовное право Великобритании.

Британское законодательство содержит несколько норм, регулирующих преступления на почве ненависти и экстремизма. Согласно исследованию под названием «Обзор преступности в Англии и Уэльсе» (Crime Survey for England and Wales), направленному на изучение макропараметров преступности в масштабах страны, за 2011/12 и 2012/13 гг. насчитывалось около 278 тыс. случаев преступлений на почве ненависти в год¹.

Говоря о развитии британской правовой системы противодействия преступлениям на основе ненависти и экстремизма, следует отметить, что ключевое значение в истории правового регулирования рассматриваемой проблемы имеет принятый в 1965 г. Закон «О расовых отношениях» (Race Relations Act)², в особенности его ст. 6 «Разжигание расовой ненависти» (Stirring Up Racial Hatred). Закон «Об общественном порядке» (Public Order Act), принятый еще в 1936 г., с 1977 г. дополняется новым разделом 5А, направленным против расовой ненависти.

30 сентября 1998 г. в Закон «О противодействии преступности и беспорядкам» (Crime and Disorder Act)³ вводится отягчающий мотивационный признак «на расовой почве» по отношению к некоторым видам преступлений (нападение, преступное причинение ущерба, нарушение общественного порядка, домогательство). Вводятся критерии усиления наказания (enhanced sentences) на основании предубеждения по признаку расы.

25 августа 2000 г. был принят Закон «О полномочиях уголовных судов по вопросам наказания» (Powers of Criminal Courts Sentencing Act)⁴, уточняющий и расширяющий квалификационные признаки преступлений на расовой почве и их отягчающие последствия при назначении наказания.

¹ Home Office, Office for National Statistics, Ministry of Justice. An Overview of Hate Crime in England and Wales. London, – 2013. – P. 12.

² URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1976/74> (дата обращения: 15.09.2014).

³ URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1998/37/contents> (дата обращения: 19.09.2014).

⁴ URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2000/6/contents> (дата обращения: 18.09.2014).

14 декабря 2001 г. подписан Закон «О противодействии терроризму, преступности и обеспечении безопасности» (Anti-terrorism, Crime and Security Act)¹, благодаря которому были внесены изменения в Закон «О противодействии преступности и беспорядкам» 1998 г., включая отягчающие обстоятельства, связанные с религиозной ненавистью.

4 апреля 2005 г. в Закон «Об уголовном правосудии» (Criminal Justice Act, 2003)² были внесены уточнения. В новой редакции были изменены прежние критерии отягчающих обстоятельств для расовой или религиозной мотивации преступления и введены новые защищенные группы, определяющиеся инвалидностью или сексуальной ориентацией. Увеличивается «минимальный срок за убийство на почве расовой, религиозной или сексуальной ориентации»³.

1 октября 2007 г. Законом «О расовой и религиозной ненависти» (Racial and Religious Hatred Act, 2006)⁴ вносится изменение в Закон «Об общественном порядке»: вводится признак религиозной ненависти (religious hatred).

Законом «Об уголовном правосудии и иммиграции» (Criminal Justice and Immigration Act)⁵, принятым в 2008 г., вносятся изменения в Закон «Об общественном порядке»: добавляется квалификационный признак мотивации на почве ненависти к сексуальной ориентации.

3 декабря 2012 г. Закон «О квалификации, вынесении приговора и наказании в отношении лиц, совершивших преступления» (Legal Aid, Sentencing and Punishment of Offenders Act)⁶ дополняет новыми отягчающими признаками Закон «Об уголовном правосудии» 2003 г.: в него включается ненависть по отношению к транссексуалам, а также увеличивается минимальный срок за

¹ URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2001/24/contents> (дата обращения: 15.09.2014).

² URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2003/44/contents> (дата обращения: 15.09.2014).

³ Law Commission Consultation Paper № 213. Hate Crime: The Case for Extending the Existing Offences. – London, 2013. – P. 3.

⁴ URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/1/contents> (дата обращения: 15.09.2014).

⁵ URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2008/4/contents> (дата обращения: 16.10.2014).

⁶ URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2012/10/contents/enacted> (дата обращения: 07.08.2014).

убийство, совершенное в отношении лиц с ограниченными возможностями или относящихся к группе по признаку трансгендерной идентичности (transgender identity)¹.

Рассматривая особенности зарубежного правового противодействия экстремизму и преступлениям на почве ненависти, можно выделить два подхода в организации правовой системы в данной области. Первый – это принцип *усиления наказания* (penalty enhancements) за преступления на почве ненависти по общему уголовному закону. Данный вид преступлений не выделяется в отдельную группу, но по отношению к ряду преступлений вводятся меры отягчающих обстоятельств, усиливающие наказание. Второй подход заключается в том, что в общеуголовном законодательстве выделяется особая группа норм, направленных специально против экстремизма и преступлений на почве ненависти. Этот тип регулирования можно назвать *субстантивным*. По этому признаку британское законодательство можно считать смешанным, т. е. содержащим как субстантивный подход, так и подход по принципу квалификации преступлений экстремистской направленности на основе отягчающих обстоятельств². Например, преступления, совершенные при определенных обстоятельствах, согласно Закону «О противодействии преступности и беспорядкам» могут определяться как преступления, включающие расовую или религиозную вражду³. Статьи 29–32 Закона «О противодействии преступности и беспорядкам» характеризуют нападение (ст. 29), причинение ущерба (ст. 30), провоцирование общественного беспорядка (ст. 31), домогательство или оскорбление (ст. 32) на основе расовой или религиозной ненависти⁴.

Субстантивной нормой британского законодательства можно также назвать закон, регулирующий преступления против общественного порядка (Закон «Об охране общественного порядка»), который квалифицирует преступления на почве ненависти по расовому, религиозному признакам, а также по

¹ Law Commission Consultation Paper № 213. Hate Crime: The Case for Extending the Existing Offences. – P. 4.

² Prosecuting Hate Crimes: A Practical Guide. – P. 26.

³ The Law Commission. Hate Crime: Should the Current Offences Be Extended? – London, 2014 – P. 17.

⁴ См. полный перечень статей Закона «О противодействии преступности и беспорядкам» с дополнениями: URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1998/37/contents>

признаку сексуальной ориентации. К другому типу британского правового регулирования относится Закон «Об уголовном судопроизводстве» 2003 г. (Criminal Justice Act), который в своей существенной части соответствует общемировой практике усиления наказания за преступления, совершенные при отягчающих обстоятельствах, к которым относятся ненависть либо вражда к социальным группам по признаку расы, религии, сексуальной ориентации, инвалидности или сексуальной, трансгендерной идентичности (transgender identity).

Рассматривая Закон «О противодействии преступности и беспорядкам» более детально, следует отметить, что он надстраивается над нормативными правовыми актами, принятыми ранее в британской системе законодательства, выделяя такие преступления, как причинение ранения или тяжких телесных повреждений в нарушение ст. 20 Закона «О преступлениях против личности» (Offences Against the Person Act)¹ 1861 г. Статья 29 (ч. 1, п. «b») Закона «О противодействии преступности и беспорядкам» основывается на ст. 47 Закона «О преступлениях против личности», предписывая считать преступлением «нападение с причинением телесных повреждений»². В ст. 29 (ч. 1) определяется квалификация преступного нападения (common assault). В ст. 30 (ч. 1) квалифицируется «уничтожение или повреждение имущества» в нарушение ст. 1/1 Закона «О нанесении противозаконного ущерба» (Criminal Damage Act) 1971 г.³

В ст. 31 (ч. 1, п. «a») квалифицируется преступление, характеризующееся «угрожающим или оскорбительным поведением, провоцирующим насилие или страх насилия» в нарушение ст. 4 Закона «Об охране общественного порядка». Статья 31 (ч. 1, п. «b») направлена против деяний, характеризующихся «угрожающим или оскорбительным поведением, умышленным домогательством, причинением тревоги или угроз» в нарушение ст. 4А Закона «Об охране общественного порядка».

¹ См. полный текст закона: URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/Vict/24-25/100/contents>

² The Law Commission. Hate Crime: Should the Current Offences Be Extended? – P. 18.

³ URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1971/48/contents> (дата обращения: 03.02.2015).

Статья 32 (ч. 1, п. «а») направлена против «домогательства и преследования», запрещенных разделами 2 и 2-А Закона «Об обеспечении защиты от преследований и домогательств» (Protection from Harassment Act 1997)¹.

Таким образом, на примерах различных нормативных правовых актов, принятых в Великобритании за последние 200 лет, прослеживается система многоуровневого противодействия преступлениям на почве ненависти и экстремизма. Так, Закон «О преступлениях против личности» 1861 г. предопределяет появление Закона «Об охране общественного порядка» 1986 г., Закона «Об уголовном судопроизводстве» 2003 г. и т. д.

Однако при анализе английской правовой типологии квалификационных признаков преступлений на почве ненависти возникает вопрос, почему именно указанные преступления были выбраны в качестве деяний, в отношении которых формируются дополнительные меры наказания в случае наличия отягчающих признаков на основе «расовой или религиозной ненависти или вражды»? Как отмечают ведущие эксперты английской правовой системы – члены законодательной комиссии по оценке правовых норм, указанный список преступлений был составлен *индуктивно*, на основе длительной законодательной практики. По мнению экспертов, «эти преступления выбраны потому, что они были расценены как наиболее вероятные формы деяний для выражения расовой вражды»².

Рассматривая Закон «Об охране общественного порядка» и его квалификации преступлений, направленных против общественного порядка, можно отметить, что раздел 18 указанного Закона определяет как преступление «использование угроз, оскорбительных выражений устного характера или выражение угрожающих, оскорбительных материалов в письменной форме с целью разжигания расовой ненависти»³.

Как было указано выше, Дополнением 1 Закона «О расовой и религиозной ненависти» (Racial and Religious Hatred Act) вно-

¹ URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1997/40/contents> (дата обращения: 04.02.2015).

² The Law Commission. Hate Crime: Should the Current Offences Be Extended? – P. 18.

³ Law Commission Consultation Paper № 213. Hate Crime: The Case for Extending the Existing Offences. – P. 1.

сятся изменения в Закон «Об охране общественного порядка»: добавляется часть 3-А, квалифицирующая соответствующий ряд преступлений по «разжиганию религиозной ненависти». Примечательно, что новые положения отличаются от существовавших характеристик Закона «О противодействии расовой ненависти» в следующем:

а) поведение или графический материал, отражающие предположительно преступное деяние, должны быть не только *оскорбительными*, но содержать в себе *фактор угрозы* выполнения противоправных действий в отношении той или иной социальной группы или лица;

б) вводится положение «b», согласно которому преступление может быть совершено только *умышленно*;

в) одного факта обнаружения мотива ненависти или вражды недостаточно для квалификации деяния по данной статье.

Проблемы свободы дискуссий, выражения мнений, религиозно-конфессионального, социокультурного многообразия и идентичности подвергаются специальной правовой защите в разделе 29-1, где говорится об обеспечении защиты в отношении «обсуждения, критики или проявлений антипатии, неприязни, насмешек, оскорбления в отношении злоупотреблений отдельных религий, или убеждений, или практики их приверженцев, или любой другой системы взглядов или убеждений, или практики приверженцев, или прозелитизма, или призывов сторонников тех или иных религий прекратить практику отправления религиозных культов»¹.

Положение 16 Закона «Об уголовном правосудии и иммиграции» (Criminal Justice and Immigration Act, 2008)² содержит дополнительные изменения в части 3-А, уточняющие соответствующие положения, касающиеся «разжигания ненависти по признаку сексуальной ориентации». Как отмечается в заявлении экспертной комиссии, в силу того, что по данному преступлению вводятся дополнительные отягчающие обстоятельства, доказательство по ним должно иметь всесторонний характер, а собран-

¹ Law Commission Consultation Paper № 213. Hate Crime: The Case for Extending the Existing Offences. – P. 2.

² URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2008/4/pdfs/ukpga_20080004_en.pdf (дата обращения: 06.02.2015).

ные улики или установленное следствием поведение подозреваемых должно иметь не только оскорбительный, уничижительный, но и враждебный, «угрожающий, противоправный характер»¹.

Рассматривая дефинитивные аспекты указанных нормативных правовых актов, следует отметить, что в Законе «О противодействии преступности и беспорядкам» ключевыми понятиями, определяющими преступную мотивацию, являются «ненависть» (hatred) и «вражда» (hostility). Одно из них, а именно понятие «вражда», представляет собой дефинитивную лауну, поскольку используется в нормативных актах без определения. Чаще всего, за неимением правового толкования используемого термина, в дело вступает его словарное значение из общего лексикона. Именно словарное значение становится тем семантическим инструментом, который используют представители британской судебной коллегии для квалификации преступных деяний, совершенных на основе вражды.

Преступление получает отягощающие признаки, если оно может быть квалифицировано по ст. 28 (ч. 1, п. «а» либо п. «b») Закона «О противодействии преступности и беспорядкам». Согласно п. «а» обвинение должно доказать лишь *объективную* «демонстрацию вражды по отношению к реальной или предполагаемой преступником принадлежности (presumed membership) потерпевшего к той или иной социальной группе или группе, организованной по расовому или религиозному признаку»², в то время как нет необходимости в доказательстве *субъективных намерений*³ или мотива⁴. Однако в п. «b» утверждается о необходимости доказывания *субъективной мотивации* к совершению преступления: «...преступное деяние полностью или частично мотивировано враждебностью (hostility) по отношению к представителям какой-либо расовой или религиозной группы по при-

¹ Law Commission Consultation Paper № 213. Hate Crime: The Case for Extending the Existing Offences. – P. 2.

² URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1998/37/section/28> (дата обращения: 07.02.2015).

³ См. о сложностях доказывания субъективного мотива в британском уголовном праве с привлечением знаковых судебных дел: Jefferson M. Criminal Law. UK Edition. – Essex, 2007. – P. 90–110; об общем исследовании процесса доказывания в зарубежном праве: Evans C. Evidence in Criminal Justice. – NY., 2010.

⁴ The Law Commission. Hate Crime: Should the Current Offences Be Extended? – P. 19.

чине их принадлежности к этой группе»¹. Согласно практике Высшего суда Лондона – одного из трех Высших судов Англии и Уэльса (Senior Courts of Justice of England and Wales) наряду с Королевским и Апелляционным судами, обвинитель по ст. 28 (ч. 1, п. «а» и «b») Закона «О противодействии преступности и беспорядкам» должен установить, какой именно из двух перечисленных типов собирания и оценки доказательств задействуется в деле – по ст. 28 (ч. 1, п. «а») или по ст. 28 (ч. 1, п. «b»). В случае, «если имеется возможность доказывания по двум пунктам, то обвинитель вправе выбрать любой из них либо опираться на оба»².

Таким образом, обобщая вышеизложенное, можно отметить, что само квалификационное понятие враждебного отношения, т. е. особого психического состояния преступника, связанного с негативным восприятием потерпевшего, не только не имеет правовой дефиниции в тексте Закона «О противодействии преступности и беспорядкам», но и в уголовно-процессуальном смысле становится двойственным, варьируясь между объективной «*демонстрацией вражды*» и «*субъективным враждебным намерением*» преступника в отношении жертвы. Как отмечается в экспертной оценке британского права, указанная двойственность – частый источник правовых коллизий и судебных противоречий.

Так, 3 августа 2010 г. Апелляционный суд Англии и Уэльса (England and Wales Court of Appeal Decisions) подверг критике суд первой инстанции – Королевский суд Вулвича (Crown Court At Woolwich)³ в связи с расследованием дела о расистских оскорблениях в отношении чернокожего нигерийца. В частности, Апелляционный суд разошелся с судом первой инстанции в вопросе о способах доказывания субъективного мотива подозреваемого в ситуации, когда у следствия имелись непосредственные данные об оскорблениях потерпевшего со стороны обвиняемого⁴.

Рассматривая ст. 28 (ч. 1, п. «а») британского Закона «О противодействии преступности и беспорядкам», на наш взгляд, есть смысл обратить внимание на дефинитивные и темпоральные аспекты выражения преступником вражды по отношению к соци-

¹ URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1998/37/section/28> (дата обращения: 26.02.2015).

² The Law Commission. Hate Crime: Should the Current Offences Be Extended? – P. 19.

³ URL: <http://www.bailii.org/ew/cases/EWCA/Crim/2010/1931.html> (дата обращения: 23.02.2015).

⁴ См.: The Law Commission. Hate Crime: Should the Current Offences Be Extended? – P. 19.

альной группе. Как отмечается в Законе, «во время совершения преступления, или *непосредственно до него* (immediately before), или *непосредственно после* (immediately after) правонарушитель демонстрирует по отношению к потерпевшему враждебность (hostility), основанную на реальной или предполагаемой преступником принадлежности потерпевшего к той или иной этнической или религиозной группе»¹.

Само понятие «этническая или религиозная группа» в данном случае имеет неопределенно-двойственный характер, обозначая, с одной стороны, *объективные* свойства групп и сообществ, с другой – *субъективные* признаки *воображаемых* групп, существующие только в сознании преступника. Причем доказательство можно построить на признаках из обеих групп. Закон прописывает вступление в силу данной статьи даже в случае, если потерпевший не принадлежит к социальной группе, предполагаемой преступником. «Виртуальность» и субъективность свойств, приписываемых преступником потерпевшему, вовсе не означает, что в доказательстве по ст. 28 (ч. 1, п. «а») указанного Закона задействуются только воображаемые признаки, присущие фантазии преступника. При всей их субъективности и, как следствие, ложности – в случае, если жертва не является членом группы, предполагаемой преступником, – суд будет доказывать *объективные* факторы «демонстрации враждебности».

В британском законодательстве трактовка объективных факторов «демонстрации враждебности» (hostility demonstration) преступника традиционно описывается в контексте вербальных или графических средств коммуникации – слов, жестов, символики и даже распевания определенных песен. Говоря о выявлении *объективных* факторов, доказывающих враждебность преступника по отношению к жертве по ст. 28 (ч. 1, п. «а») Закона «О противодействии преступности и беспорядкам», реакция самого потерпевшего или восприятие им обстоятельств инцидента не имеют никакого значения. В британском правосудии также наличие или отсутствие у преступника мотивации к совершению преступления с процессуальной точки зрения не имеет отношения к

¹ URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1998/37/section/28> (дата обращения: 04.03.2015).

вопросу о выявлении *объективных маркеров* враждебности, поскольку это два разных типа доказывания.

Как отмечалось выше, в ст. 28 (ч. 1) используется квалификация преступного деяния по причине враждебности преступника к реальной или предполагаемой им принадлежности потерпевшего к какой-либо социальной (расовой или религиозной) группе, попадающей под защиту законодательства. Таким образом, ошибочное восприятие преступником принадлежности потерпевшего к той или иной группе, в случае, если по причине этого произошло преступное посягательство, не будет рассматриваться судом как факт, влияющий на доказательство невиновности подозреваемого¹.

В законе уточняется, что понятие принадлежности к какой-либо социальной группе трактуется по принципу *ассоциации* лица с группой (*association with members of that group*). Этот принцип, на наш взгляд, является чрезвычайно неопределенным. Полемика, возникшая в британском праве по поводу точной дефиниции *принадлежности* потерпевшего к какой-либо защищенной социальной группе, привела к предельно расширенному толкованию этого понятия. На самом деле, как именно суды должны понимать принадлежность индивида (потерпевшего) к группе, – в этническом, религиозном, культурном или политическом ракурсе? Означает ли принадлежность потерпевшего к определенной расовой группе обязательное наличие у него устойчивых *этнических* черт, идентичных с членами этой группы? Например, когда потерпевшим в расистских оскорблениях оказывается белый супруг – британец, женившийся на уроженке Нигерии, то следует предположить, что никаких общих этнических черт у супруга и супруги нет. Толкование принадлежности индивидов к социальным группам на основе только расовых, этнических признаков оказывается слишком узким, не отражающим специфику ряда ключевых социальных отношений. В силу этого в британском праве «принадлежность» потерпевшего к социальной группе трактуется чрезвычайно широко, включая в себя «брак, отношения, общение и социализацию (*socialising*)»². Если с браком в

¹ The Law Commission. Hate Crime: Should the Current Offences Be Extended? – P. 21.

² URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1998/37/section/28> (дата обращения: 17.04.2015).

юридическом смысле более или менее ясно, то как определить ассоциацию потерпевшего с этнической группой через такие широкие понятия, как «общение» и «социализация»? Исчерпывающей дефиниции этих понятий мы, безусловно, не находим в британском законодательстве, как не находим их и в социальных науках. В общем, в зарубежных юридических дискуссиях все чаще говорят о концептуальной неудаче социальных наук в определении ключевых понятий преступлений на основе ненависти и экстремизма¹.

В ст. 28 (ч. 1, п. «b») британского Закона «О противодействии преступности и беспорядкам» рассматриваются критерии толкования субъективной мотивации преступника, связанной с понятием враждебности (*hostility*) по отношению к членам социальных групп, объединенных по расовому или религиозному признаку. Мотивированность враждебностью при совершении преступления экстремистской направленности или преступления на почве ненависти может выражаться в *полной* или *частичной* форме. «Враждебность не обязательно должна составлять единственный, или даже *основной* (курсив наш – Е.О.) мотив криминального поступка, но если ни в одном из мотивационных признаков преступника нет враждебности, то отягчающие обстоятельства не вступят в силу по данному деянию»². Таким образом, наряду с множеством других мотивационных признаков в отношении потерпевшего (например, садистические наклонности, хулиганские побуждения, желание ограбления, изнасилования) у преступника должен быть еще и ключевой *признак – враждебность* по отношению к социальной группе, с которой, по мнению преступника, идентифицируется потерпевший.

Предельно расширенный дефинитивный смысл понятий британского права по вопросам преступлений на почве ненависти и экстремизма отчетливо виден в ч. 4 ст. 28 Закона «О противодействии преступности и беспорядкам», в которой понятие «расовая группа» (*racial group*) определяется не просто ссылкой на принадлежность лица к какой-либо расе, а включением в него признаков расы (цвет кожи, национальность, этническое происхож-

¹ Perry B. Where Do We Go From Here? Researching Hate Crime // Journal of Criminology. – 2003. – P. 15.

² The Law Commission. Hate Crime: Should the Current Offences Be Extended? – P. 21.

дение), а также признака *гражданства*¹. Таким образом, в понятие «расовая группа» включены признаки, которые не являются расовыми по определению, поскольку гражданство – это вопрос юрисдикции, а раса – понятие биологическое. Такой диффузный принцип толкования, когда вопросы юрисдикции, не подвергаясь никакой критике, смешиваются с биологическими, безусловно, требует дальнейших дефинитивных уточнений. Однако в британском праве, ориентированном на индуктивный подход, указанные сложности нивелируются тем, что вся семантическая неопределенность терминологии устраняется конкретной судебной коллегией, трактующей термины тем или иным образом («как постановил апелляционный суд, только коллегия судей может решить, является ли тот или иной термин связанным с выражением враждебности»²).

Понятие социальной группы, организованной по признаку религии, в британском уголовном праве определяется также пространно. В ч. 5 ст. 28 Закона «О противодействии преступности и беспорядкам» *религиозная группа* определяется как «группа лиц, определенных связью с религиозной верой или отсутствием религиозных убеждений как таковых»³. Проблема юридической квалификации соотношения *религиозных* (попадающих под защиту ст. 28 указанного Закона) и *нерелигиозных* убеждений подробно рассмотрена в работе Н. Эдисона «Дискриминация по религиозному признаку и законодательство против ненависти»⁴. В частности, автор ссылается на ст. 44 британского Закона «О равенстве»⁵, принятого Парламентом в 2006 г., в котором дается нормативная трактовка таких понятий, как «религиозная вера», «убеждение» и т. д. Так, понятие «религия» включает *любую религию*, но не любое убеждение (*belief*), в то время как понятие «убеждение» включает в себя как религиозную веру, так и миро-

¹ См.: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1998/37/section/28> (дата обращения: 21.04.2015).

² The Law Commission. Hate Crime: Should the Current Offences Be Extended? – P. 23.

³ Crime and Disorder Act, 1998. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1998/37/section/28>

⁴ Addison N. Religious Discrimination and Hatred Law. – NY., 2007.

⁵ URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/3/section/44> (дата обращения: 22.04.2015).

воззренческие философские убеждения¹. Это означает, что понятие «убеждение» является родовым по отношению к понятию «религиозная вера» и, как следствие, возникает необходимость показать ту объективную линию демаркации в отношении класса убеждений, защищенных ч. 5 ст. 28 Закона «О противодействии преступности и беспорядкам».

Таким образом, ст. 28 Закона «О противодействии преступности и беспорядкам» защищает от посягательств ненависти и экстремизма только некоторые формы убеждений, не включая их нерелигиозные формы. В одном из судебных разбирательств (*Hodkin v. Registrar-General of Births, Deaths and Marriages*)² Верховный суд Англии, столкнувшись с вопросом о том, является ли сайентология религиозной формой веры или нет, определил религию как «духовную, не светскую систему убеждений... которая объясняет место человечества во Вселенной в отношении с бесконечным, учит своих последователей, как строить свою жизнь... религия, однако, может не включать веру в высшее существо, но она связана с убеждением, что, для того, чтобы понять природу человечества и его отношение к Вселенной, есть нечто большее, чем то, что может быть получено на основании органов чувств или данных науки»³. Как известно, в связи с указанным делом Верховный суд предложил новую трактовку понятия «религиозное убеждение»⁴, согласно которой для религиозного сообщества обязательно требовалось «наличие божества для поклонения»⁵. Решением Верховного суда Англии от 2013 г. толкование дефиниции «религиозная социальная группа», данное апелляционным судом в 1970 г., было отменено⁶.

Возвращаясь к анализу ст. 28 Закона «О противодействии преступности и беспорядкам», следует отметить, что в ч. 5 указанная статья защищает не только, собственно, социальные группы, характеризующиеся различными формами веры, но и группы, характеризующиеся признаками «отсутствия какого бы то ни бы-

¹ Addison N. Op. cit. – P. 18.

² URL: <http://www.bailii.org/uk/cases/UKSC/2013/77.html> (дата обращения: 12.04.2015).

³ Ibid.

⁴ URL: <http://www.cs.cmu.edu/~dst/Cowen/audit/segerdal.html> (дата обращения: 17.04.2015).

⁵ The Law Commission. Hate Crime: Should the Current Offences Be Extended? – P. 24.

⁶ См.: Addison N. Op. cit. – P. 21.

ло религиозного убеждения»¹. Это означает, что юрисдикция данного Закона начинает распространяться и на обширный класс последователей различных морально-этических доктрин, форм светского мировоззрения, на адептов философских, научных концепций, что в целом лишает данный нормативный правовой акт его основной функции – защищать религиозные формы объединения социальных групп.

Таким образом, англосаксонская правовая система противодействия преступлениям на почве ненависти и экстремизма имеет длительную историю. Однако при всей детализированности британского уголовного права в сфере противодействия указанным преступлениям, в нем имеет место ряд концептуальных трудностей, требующих дальнейшего решения.

Рассматривая зарубежный опыт правового противодействия преступлениям на почве ненависти и экстремизма, безусловно, следует обратить внимание на американскую законодательную модель, являющуюся флагманом в международной борьбе против терроризма, преступлений на почве ненависти и экстремизма. Особенности геополитического положения США, существенные аспекты этнической и религиозной истории проживающих там социальных групп предопределили создание сложной многоуровневой системы противодействия преступлениям на почве ненависти и экстремизма. Следует отметить, что именно США являются «главной мишенью» мирового терроризма, заинтересованного в дестабилизации американской государственной системы. В силу этого американская правовая система «находится на передовой» в вопросах борьбы с преступлениями на почве ненависти, и ее опыт, а также способы решения ряда критических ошибок могут иметь конструктивное значение в деле повышения эффективности как законодательной, так и судебной системы противодействия экстремизму.

Термин «преступление на почве ненависти» (hate crime) или его разновидность – «преступление на основе предубеждения» (bias motivated crime) – получили широкое применение среди специалистов, работающих в области уголовного права в США

¹ URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1998/37/section/28> (дата обращения: 14.05.2015).

в 1980-е гг. Первоначально дефиниции имели крайне неопределенный и бессистемный характер, отражая частные аспекты проблемы, которая еще не получила всестороннего анализа. В монографиях и научной периодике того времени можно встретить различные дефинитивные и процессуальные подходы к толкованию преступлений на почве ненависти и экстремизма, а также к правовому противодействию указанным преступлениям¹. Некоторая унификация дефинитивной части в понимании преступлений на почве ненависти произошла после того, как ФБР разработало программу, в которой было предложено определение, ставшее общепризнанным: «Понятие "преступление на почве ненависти", также известное как "преступление на основе предубеждения", означает уголовное преступление против человека, имущества или общества, которое в целом или частично мотивировано предубеждением правонарушителя против расы, религии, инвалидности, сексуальной ориентации или принадлежности к какой-либо этнической или национальной группе»².

Одной из первых попыток законодательного регулирования преступлений на почве ненависти и экстремизма в США стала разработка Типового уголовного кодекса (Model Penal Code)³ Американским институтом права (American Law Institute) в 1962 г. Это, по сути, была программа стандартизации уголовных законов США, представляющая собой коллективную работу ученых во главе с Г. Вешлером и С. Кадисом, просуществовавшая без значительных поправок до 1981 г. В ходе работы исследователи провели логико-правовую экспертизу уголовно-исполнительной системы в США, включающую функционирование норм, санкций, системы отягощения и смягчения наказаний. Разработка Типо-

¹ См., например: Perry B. Defending the Colour Line: Racially and Ethnically Motivated Hate Crime // *American Behavioural Scientist*. – 2002. – № 46. – PP. 27–50; Craig K.M., Waldo C.R. So, What's a Hate Crime Anyway? Young Adults' Perceptions of Hate Crimes, Victims, and Perpetrators // *Law and Human Behaviour*. – 1996. – № 20 (2). – PP. 113–129.

² Federal Bureau of Investigation, U.S. Department of Justice. Crime in the United States. Uniform Crime Reports. – Washington, 2004. – P. 65.

³ Pollock J.M. Criminal Law. – NY., 2013. – P. 203.

вого уголовного кодекса сыграла важную роль в стандартизации уголовных законов Соединенных Штатов¹.

Первыми попытками законодательного протектората некоторых категорий граждан от преступлений, так или иначе связанных с выражением ненависти или вражды, стало принятие соответствующих федеральных нормативных актов в конце 1960-х гг. (хотя концептуально термина «преступление на почве ненависти» (hate crime) в то время еще не было). Несмотря на то, что эти нормативные правовые акты имели общий антидискриминационный характер, типичный для того американского права, стремящегося к демократизации и равенству, тем не менее, они прописывали ряд новых аспектов. «Кампания борьбы за гражданские права, начатая в 1964 году, привела к принятию в 1968 году законодательной поправки, которая гласила, что запрещается использование силы или угроз применения силы в отношении должностных лиц, а также лиц, занимающихся определенными видами деятельности, защищенной Федеральным законом, по причине цвета кожи или различных религиозных убеждений. В 2009 году Конгресс добавил к перечню защищаемых признаков сексуальную ориентацию, гендерные виды идентификации и инвалидность. Все социальные группы с указанными признаками находятся под защитой законодательства против преступлений на почве ненависти»².

Как отмечает Д. Сазерс, первым штатом, принявшим в 1978 г. закон о противодействии преступлениям на почве ненависти и экстремизма, была Калифорния. «Закон гласил, что преступление, мотивированное неприязнью, предубеждением на расовой или иной почве, считается преступлением с отягчающими обстоятельствами»³.

¹ См. об общем исследовании американской уголовно-процессуальной системы: Hall D.E. *Criminal Law and Procedure*. – Delmar, 2012; о концептуальных сложностях американского конституционализма: Adler M., Himma K. *The Rule of Recognition and the U.S. Constitution*. – Oxford, 2009.

² Сазерс Д. Американский подход к рассмотрению преступлений на почве ненависти и обеспечению свободы слова // Российское и зарубежное законодательство о преступлениях на почве расовой ненависти. Экспертиза, защита участников процесса: материалы семинара, 28 окт. 2011 г.: стенографич. отчет. – СПб., 2011. – С. 13.

³ Там же.

Ряд преступлений против афроамериканцев, людей еврейской национальности и лиц, принадлежавших к нетрадиционной сексуальной ориентации, получил широкий общественный резонанс в США в 1980-х – начале 1990-х гг., что впоследствии привело к интенсификации процесса законодательного оформления нормативных правовых актов, противодействующих экстремизму и преступлениям на почве ненависти.

Главной инновацией нарождающегося антиэкстремистского права в США стал принцип, согласно которому преступления на почве ненависти требуют дополнительного дефинитивного правового элемента, отсутствующего в общем уголовном праве, фиксирующего, что потерпевший был *выбран* в качестве объекта преступного посягательства по причине его принадлежности к той или иной группе, находящейся под защитой закона, поскольку данные преступления совершаются «не из вражды к жертве как личности, но из вражды к группе, к которой принадлежит жертва»¹. Перечни защищенных групп последующего законодательства стали варьироваться от штата к штату, но чаще всего они включали следующие квалификационные признаки: возраст, расу, цвет кожи, религию, происхождение, пол, половую ориентацию и идентичность, а также инвалидность².

В апреле 1990 г., после длительных дебатов в Конгрессе, вызванных ростом правонарушений на почве ненависти и экстремизма, был подписан Закон «О сборе статистической информации по преступлениям на почве ненависти»³ (Hate Crimes Statistics Act)⁴, предписывающий Министерству юстиции США собирать информацию по определенным видам преступлений против личности и имущества, совершенных с мотивацией по признаку «расовой, этнической, религиозной, половой ориентации, а также инвалидности»⁵. Генеральный прокурор должен делегировать обязанности по разработке процедур по реализации, сбору и

¹ Joycelyn M. Pollock. Criminal Law. – NY., 2013. – P. 204.

² Ibid.

³ Federal Hate Crimes Statistics Act of 1990, 28 U.S.C. 534(b)(1).

⁴ URL: <http://www.fbi.gov/about-us/cjis/ucr/hate-crime/2011/resources/hate-crime-statistics-act> (дата обращения: 18.05.2015).

⁵ Scheb J.M. Criminal Law. – Belmont, 2012. – P. 185.

управлению данными о преступлениях на почве ненависти администрации ФБР¹, которая, в свою очередь, становится ответственной за реализацию новой программы – Программы по единой отчетности по преступлениям (Uniform Crime Reporting Programme)².

Указанная программа имеет двухуровневый характер идентификации правонарушений на почве ненависти. Первый уровень отражает работу местных правоохранительных органов, работающих в кооперации со специальными агентствами. Сотрудники правоохранительных органов формируют первичную информацию об инцидентах, фиксируя и обосновывая специальные *маркеры предубеждения* (bias markers). Только на вторичном уровне, представленном сотрудниками агентств либо особым образом подготовленными сотрудниками правоохранительных органов, решается вопрос о квалификации инцидента по преступлению на почве ненависти и включении его в отчет Программы по единой отчетности по преступлениям³.

Закон «О сборе статистической информации по преступлениям на почве ненависти» со временем претерпел ряд дополнений. После подписания в 1994 г. Закона «О противодействии криминальному насилию» (Violent Crime and Law Enforcement Act)⁴ в Законе «О сборе статистической информации по преступлениям на почве ненависти» стала появляться информация по инцидентам с участием инвалидов. Следующие изменения программы по сбору статистики были связаны с Законом «О предотвращении поджогов церковного имущества» (The Church Arson Prevention Act)⁵ 1996 г., когда была изменена юрисдикция Программы по единой отчетности по преступлениям. В 2009 г. Закон Мэттью Шепарда и Джеймса Берда – младшего (далее – Закон Шепарда – Берда) дополнил Закон «О сборе статистической информации по преступлениям на почве ненависти» (в разделе E).

¹ См.: Criminal Justice Information Services. Division Uniform Crime Reporting Program. Hate Crime Data Collection Guidelines and Training Manual. – 2015. – P. 3.

² URL: <http://www.fbi.gov/about-us/cjis/ucr/ucr> (дата обращения: 26.02.2015).

³ Criminal Justice Information Services. Division Uniform Crime Reporting Program. Hate Crime Data Collection Guidelines and Training Manual – 2015. – P. 4.

⁴ URL: <https://www.ncjrs.gov/txtfiles/billfs.txt> (дата обращения: 17.15.2015).

⁵ URL: <https://www.govtrack.us/congress/bills/104/hr3525/text> дата обращения: (19.05.2015).

Рассматривая особенности Закона «О сборе статистической информации по преступлениям на почве ненависти», следует отметить, что именно этот Закон дает основание для формирования представления об общей картине преступлений на почве ненависти и экстремизма в США. Все федеральные и региональные правоохранительные органы и агентства, собирая сведения об имеющихся правонарушениях, опираются на принципы, изложенные в данном Законе. Все данные глобального мониторинга пропорциональны первоначальным запросам, сформированным в концептуальной схеме указанной нормы.

Указанный Закон, безусловно, имеет ряд ограничений, так как производит мониторинг лишь незначительной части правонарушений. «Главный недостаток данных о преступности, зарегистрированных полицией, состоит в том, что, хотя они и фиксируют некоторые аспекты деятельности полиции, они не отражают информацию обо всех преступлениях»¹. Однако необходимо признать, что, несмотря на то, что указанный Закон и Программа по единой отчетности по преступлениям действуют в ограниченной области, они позволяют выявлять не только статистику правонарушений по квалификационным признакам (раса, религия, национальность и т. д.), но и уточнять мотивационные аспекты конкретных преступлений, видеть их в статистической перспективе.

Так, в данных по Программе, опубликованных в 2015 г., представлена детализация по предубеждению (bias) и его разным группам с кодами ФБР². Например, по расовому признаку, в который входит все, связанное с национальностью, цветом кожи, гражданством и социализацией, выделяются преступления, направленные против американских индейцев и коренных жителей Аляски (13), арабов (31), выходцев из Азии (14), выходцев из Африки и темнокожих в целом (12), против испано-латинской группы (32), против белых индоевропейцев (33)³. По религиозному признаку преступления были направлены против католиков (22), буддистов (83), православных (81), представителей

¹ Tong S., Bryant R.P., Horvath M.A.H. *Understanding Criminal Investigation*. – Oxford, 2009. – P. 138.

² Criminal Justice Information Services. *Division Uniform Crime Reporting Program. Hate Crime Data Collection Guidelines and Training Manual*. – P. 4.

³ Ibid.

ислама (24), свидетелей Иеговы (29), мормонов (28), протестантов (23) и т. д.¹

В 1993 г., после получения первых данных сбора статистической информации, на 103-м заседании Конгресса был введен Закон «Об усилении наказания по преступлениям на почве ненависти» (The Hate Crimes Sentencing Enhancement Act)². Согласно этому Закону судьи получали право ужесточения наказания не менее чем «на три уровня выше», если устанавливалось, что преступник «осознанно выбрал потерпевшего или имущество – в случае посягательства на имущество – по причине реальной или предполагаемой расы, цвета кожи, религии, национальности, этнической принадлежности, пола или сексуальной ориентации индивида»³. Примечательно, что в данном Законе содержится четко выраженный дискриминационный принцип подхода к квалификации преступных деяний, поскольку не требуется, чтобы преступник испытывал чувства ненависти и вражды к потерпевшему. Достаточно лишь, чтобы *критерием выбора* жертвы для преступника были признаки, перечисленные в нормативном правовом акте.

В 1999 г., после ряда драматических обстоятельств, был принят Закон «О противодействии преступлениям на почве ненависти» (The Hate Crimes Prevention Act)⁴.

С 2001 г. в Конгрессе начинается разработка муниципальных нормативных правовых актов о противодействии преступлениям на почве ненависти. В ряде этих законов разрабатываются меры по обеспечению федеральной помощи штатам и органам местной юрисдикции для предотвращения преступлений на почве ненависти.

В 2009 г. вступил в силу Закон Шепарда – Берда¹. Этот нормативный правовой акт расширил возможности анти экстре-

¹ Criminal Justice Information Services. Division Uniform Crime Reporting Program. Hate Crime Data Collection Guidelines and Training Manual. – P. 4.

² URL: <https://www.congress.gov/bill/103rd-congress/house-bill/1152> (дата обращения: 24.05.2015).

³ URL: <https://www.govtrack.us/congress/bills/103/hr1152/text> (дата обращения: 07.05.2015).

⁴ URL: <http://www.justice.gov/crt/about/crm/matthewshepard.php>; Criminal Justice Information Services. Division Uniform Crime Reporting Program. Hate Crime Data Collection Guidelines and Training Manual. – P. 4.

мистского законодательства. Как было отмечено выше, первоначально законы о преступлениях на почве ненависти в США осуществляли протекторат только в отношении тех лиц, которые были связаны с «деятельностью, защищенной на федеральном уровне (18 U.S. Code § 245 – Federally protected activities)»². Однако после принятия Закона Шепарда – Берда законодатели расширили зону протекции, выйдя за рамки только лишь «федерально защищенной деятельности», – например, голосования. Закон Шепарда – Берда отменил положение о том, что защите подлежат только лица, занимающиеся особым видом деятельности, и, помимо этого, существенно расширил квалификационные признаки для защищаемых групп, включив в них «реальную или предполагаемую расу, сексуальную ориентацию и идентичность, а также инвалидность»³. Указанный Закон не только усилил возможности федерального правительства в оказании помощи при расследовании и уголовном преследовании преступлений на почве ненависти, но и дал возможность федеральному центру расследовать преступления на почве ненависти в ряде случаев, когда муниципальные правоохранительные органы по тем или иным обстоятельствам отказывались расследовать дела.

Как отмечают консультанты *Антидиффамационной лиги* – одной из авторитетнейших организаций по борьбе с преступлениями на почве ненависти, – Закон Шепарда – Берда главным образом «устранял критический пробел Федерального закона «О деятельности, защищенной на федеральном уровне», позволявшего уходить от ответственности преступникам по экстремистским преступлениям в случае, если жертва не принадлежала к перечню «федерально защищенных форм деятельности», таких как членство в избирательных комиссиях, организация голосований, участие в работе школ»⁴. Другим принципиальным значением этого нормативного правового акта, как было

¹ URL: <http://www.justice.gov/crt/about/crm/matthewshepard.php> (дата обращения: 17.04.2015).

² URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/245> (дата обращения: 18.04.2015).

³ Scheb J.M. Criminal Law. – P. 185.

⁴ URL: <http://www.adl.org/assets/pdf/combatting-hate/What-you-need-to-know-about-HCPA.pdf> (дата обращения: 06.08.2014).

отмечено выше, выступает расширение защищаемых социальных групп. Каждый новый квалификационный признак, фиксирующий в законе мотивационный уклон преступника, дает новую социальную группу (сексуальной ориентации, пола, гендерной идентичности или инвалидности). До 2009 г. федеральное законодательство США не обеспечивало защиту указанных категорий лиц. Закон Шепарда – Берда позволил федеральным органам использовать «юрисдикцию федеральных правоохранительных органов для расследования и судебного преследования определенных преступлений на почве предубеждения в штатах, в которых действующее законодательство оказывалось недостаточным»¹. Недостаточность муниципального законодательства в данном вопросе может выражаться в следующем: несмотря на то, что «45 штатов и округ Колумбия приняли законы против преступлений на почве ненависти, только в 30 штатах из них в содержание законов включен признак *сексуальной ориентации*, а в 26 штатах – признак *пола*. Всего 12 штатов защищают законом признак *гендерной идентичности* и только 30 штатов включают в свои нормы признак *инвалидности*»². Таким образом, Закон Шепарда – Берда помогает местным правоохранительным органам, страдающим от неполноты локального права, опираясь на федеральный закон, решать проблему противодействия преступлениям на почве ненависти более эффективно.

Как известно, особенность правовой системы США заключается в специфическом отношении между федеральным законодательством и местными правовыми системами отдельных штатов. Преступления на почве ненависти и экстремизма регулируются не только федерально, но и на местном уровне. Например, в разделе 16-1 Устава Нью-Джерси предусматривается, что «лицо является виновным в совершении преступления по признаку предубеждения (*bias intimidation*), если своими действиями оно совершает, пытается совершить, осуществляет сговор с целью запугивания человека или группы лиц по признаку расы, цвета ко-

¹ URL: <http://www.adl.org/assets/pdf/combating-hate/What-you-need-to-know-about-HCPA.pdf> (дата обращения: 06.08.2014).

² Ibid.

жи, религии, пола, инвалидности, сексуальной ориентации или этнической принадлежности»¹.

Важное значение в борьбе с преступлениями на почве ненависти на муниципальном уровне имел принятый в штате Нью-Йорк Закон «О преступлениях на почве ненависти»² (The Hate Crimes Act), вступивший в силу 8 октября 2000 г. Этот Закон добавляет новую статью о преступлениях на почве ненависти (ст. 485) в общее уголовное законодательство. Преступник признается виновным по данной статье, если он совершает следующее:

«...умышленно выбирает лицо, против которого совершается преступление или задумывается его совершение, в целом или в значительной степени по причине предубеждения или восприятия в отношении расы, цвета кожи, национальности, происхождения, пола, религии, религиозного культа, возраста, инвалидности или сексуальной ориентации этого лица, независимо от того, является ли восприятие потерпевшего преступником соответствующим действительности или нет...

умышленно совершает преступное деяние или действует в целом или частично по причине предубеждения или негативного восприятия потерпевшего на почве расы, цвета кожи, национальности, происхождения, пола, религии, религиозной практики, возраста, инвалидности или сексуальной ориентации лица, независимо от того, соответствует ли это восприятие действительности»³.

Таким образом, обобщая, можно отметить, что ст. 485 Закона штата Нью-Йорк «О преступлениях на почве ненависти», вносит существенные коррективы в функционирование регионального уголовно-правового процесса. В отличие от других уголовно-правовых положений, эта статья характеризует не только причиненный ущерб, предмет посягательства, способ осуществления преступного деяния, но и вводит совершенно новый параметр в квалификационный процесс по уголовным делам. Данный параметр определяет *способ*, при помощи которого преступник *выделяет* жертву (или группу) в качестве объекта преступного пося-

¹ Scheb J.M. Criminal Law. – P. 185.

² URL: <http://criminaljustice.state.ny.us/crimnet/clf/hatecrimesact2000.pdf> (дата обращения: 27.03.2015).

³ Ibid.

гательства из общего числа потенциальных потерпевших. Этот параметр существенно отличается от квалификации преступлений, например, по экономическим делам, или преступлений против собственности, где законодательство не фиксирует способ вычленения потерпевшего преступником из числа возможных жертв, а выявляет только *ущерб* и *способ преступного посягательства*.

Итак, согласно ст. 485 вышеуказанного Закона штата Нью-Йорк деяние квалифицируется как преступление на почве ненависти, когда преступник *выбирает* потерпевшего по причине предубеждения в отношении расы, цвета кожи, национальности, происхождения, пола, религии, религиозного культа, возраста, инвалидности или сексуальной ориентации.

Рассматривая зарубежный опыт правового противодействия преступлениям на почве ненависти и экстремизма, необходимо отметить, что одним из ключевых факторов решения указанной проблемы является не только профессиональная работа судебно-исполнительной системы в деле квалификации и доказывания, но и скоординированная система превентивных мер распознавания и предотвращения преступлений на ранних стадиях формирования мотиваций у лиц, потенциально склонных к противоправной деятельности.

Как правило, зарубежный опыт в этой области концентрируется на двух подходах. Первый связан с обучением сотрудников правоохранительных органов на предмет их способности распознавания потенциально опасных лиц и социальных групп¹. Второй подход ориентируется на комплексные меры воспитательной работы в рамках образовательных учреждений². Национальный совет по предупреждению преступлений (National Crime Prevention Council)³ обобщил указанный комплекс превентивных мер в отношении преступлений на почве ненависти, дополнив его обширной общественно-просветительской деятельностью. В част-

¹ См.: Preventing and Responding to Hate Crimes. A Resource Guide for NGOs in the OSCE Region. – Warsaw, 2009.

² Preventing Youth Hate Crime: A Manual for Schools and Communities. URL: <http://www.justice.gov/archive/crs/pubs/prevyouthatecrim.pdf> (дата обращения: 23.04.2015).

³ National Crime Prevention Council. URL: <http://www.ncpc.org> (дата обращения: 24.04.2015).

ности, предлагалось двенадцать стратегий предотвращения преступлений на почве ненависти. Рассмотрим некоторые из них.

1. Программа повышения информационного взаимодействия, предполагающая создание правоохранительными органами специальных служб в районах проживания этнических общин. Стратегия включает подготовку сотрудников, владеющих языками этнических групп, «распределение двуязычных материалов по профилактике преступности с целью повышения взаимопонимания между этническими меньшинствами и органами правопорядка для совместного решения проблем с местной преступностью»¹.

2. Программа поддержки жертв преступлений на почве ненависти и экстремизма, заключающаяся в «предоставлении услуг и образовательных сервисов по поддержке жертв преступлений на почве ненависти»².

3. Программа по обеспечению быстрого и эффективного реагирования правоохранительных органов на преступления на почве ненависти и экстремизма.

4. Программа развития системы отчетности и образовательных услуг на языках этнических меньшинств (Multilingual Reporting and Education Services). Как указывается в программе, «обращение к иммигрантам, которые не говорят по-английски через сотрудников, владеющих их языками, помогает правоохранительным органам добиться улучшения отношений между этническими общинами»³.

5. Программа просвещения общественности о преступлениях на почве ненависти. Данная стратегия предполагает комплекс образовательных мер по обучению как сотрудников полиции, так и учащихся различных образовательных учреждений по вопросам преступлений на почве ненависти.

6. Программа по развитию принципов толерантности в СМИ, включающая использование медиаресурсов с целью минимизации расовых, религиозных или иных предрассудков.

7. Программы по развитию молодежного лидерства, созданию культурно-досуговой, мотивирующей среды для молодежи с

¹ URL: <http://www.ncpc.org/topics/hate-crime/strategies/strategy-raising-cultural-awareness> (дата обращения: 27.04.2015).

² URL: <http://www.ncpc.org/topics/hate-crime/strategies/strategy-support-for-hate-crime-victims> (дата обращения: 20.04.2015).

³ URL: <http://www.ncpc.org/topics/hate-crime/strategies/strategy-multilingual-reporting-and-education-services> (дата обращения: 07.05.2015).

целью повышения сознательности и недопущения негативных форм предубеждения относительно тех или иных социальных групп и т. д.¹

Итак, необходимо отметить, что зарубежный опыт правового противодействия преступлениям на почве ненависти имеет многоуровневый, комплексный характер. Международные правовые нормы борьбы с преступлениями такого рода включают разработанные меры уголовно-процессуального противодействия наряду с системами сбора статистической информации. При всей эффективности международной правовой базы в данной области и несмотря на консенсус государств – участников ОБСЕ в вопросах развития общего мониторинга и сотрудничества против указанных видов преступлений, существенная разница в дефинитивных и процессуальных нормах снижает эффективность централизованной системы по сбору информации и противодействию преступлениям на почве ненависти и экстремизма.

Указанная проблема существует не только в масштабах международных форм правовой кооперации, но и на региональном уровне. Так, в США юрисдикции разного уровня так или иначе взаимодействуют с общенациональным законодательством. Однако проблема правовой неравномерности, когда юрисдикции разных штатов трактуют одни и те же преступления по-разному, существенно затрудняет централизованное противодействие экстремизму.

В целях изучения конкретных механизмов правовых мер борьбы с преступлениями на почве ненависти, на наш взгляд, недостаточно только анализа законодательной системы. Особое значение приобретает судебная *практика* квалификации и доказывания по делам указанной направленности, поскольку именно в судебной системе применяются те правовые дефиниции, которые составляют основу законодательства. В процессе реализации судебных решений формируются те конкретные принципы толкования и применения юридических понятий в реальных обстоятельствах комплексной квалификации дел.

¹ См. подробнее о стратегиях Национального совета по предупреждению преступлений на почве ненависти и экстремизма: URL: <http://www.ncpc.org/topics/hate-crime/strategies> (дата обращения: 12.05.2015).

1.2. Зарубежная практика судебной квалификации и доказывания преступлений на почве ненависти и экстремизма

Рассматривая зарубежный опыт судебного регулирования процесса квалификации преступлений на почве ненависти и экстремизма, следует отметить, что современная судебно-правовая модель предотвращения указанных преступлений сформировалась, помимо прочего, под влиянием дискуссий, возникших в результате осмысления ключевых судебных процессов, отражавших сложные взаимоотношения между различными социальными группами. Правовая законодательная модель, определяя уголовно-процессуальные механизмы судебной квалификации по преступлениям данного вида, в свою очередь, испытывает влияние со стороны резонансных дел, на примере которых открывается та или иная проблемная область судебной практики квалификации и доказывания и, как следствие, проблема, требующая модификации той или иной правовой компоненты.

Что касается судебной практики интерпретации уголовно-правовых понятий¹, направленных против преступлений на почве ненависти в США, одним из ярчайших дел в этой области можно считать судебный процесс в Верховном суде США между национал-социалистической партией США (NSPA) и коммуной Скоки (National Socialist Party of America v. Village of Skokie, 432 U.S. 43, 1977)². Этот процесс показывает особенности коллизионности правовой системы США 70-х гг. XX в. Проблема, приведшая впоследствии к серьезным правовым и общественно-политическим противоречиям, заключалась в отсутствии четкой правовой дифференциации действия Первой поправки (First amendment) Конституции США и нарождавшегося в то время антиэкстремистского законодательства.

Предпосылкой судебного разбирательства по делу Скоки выступил тот факт, что представители неонацистской партии организовали ряд мероприятий в пригородах Чикаго, включая при-

¹ См. об особенностях процесса уголовного доказывания: Bex J. Arguments, Stories and Criminal Evidence. – Dordrecht, 2011.

² URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/432/43/case.html> (дата обращения: 07.08.2014).

город Скоки, состоявший из выходцев еврейского населения, многие из которых прошли через холокост: «Скоки является пригородом Чикаго. Сообщество имеет население примерно 70 тысяч человек. Более 40 тысяч жителей – евреи, из которых 7 тысяч прошли через нацистские концентрационные лагеря»¹. Обстоятельства дела выражались в том, что «Фрэнк Колин, глава национал-социалистической партии США, и его группа нацистов провели митинг в парке Чикаго в окружении плотного кордона полиции и толпы из шести тысяч противников, заглушавших каждый звук со сцены. Это были самые драматические дебаты о смысле свободы слова за последние двадцать лет»².

Ко времени проведения марша NSPA мэрия Скоки приняла ряд муниципальных нормативных актов, ограничивающих формат проведения демонстраций. В частности, было определено следующее:

демонстранты, согласно закону (Village Ordinance № 77-5-N-994), должны заранее вносить страховку от возможных физических повреждений, установленную в размере 355 тыс. долларов;

согласно разрешению городского совета (Village Ordinance № 77-5-N-996) демонстрантам и членам политических партий запрещено ношение любой военной униформы;

запрещено публичное демонстрирование нацистской символики, а именно свастики, использование которой намеренно способствует разжиганию ненависти в отношении лиц по причине их расы, национального происхождения или религии³.

Администрация Скоки расценила идею проведения нацистского марша на своих улицах «оскорбительной для его жителей». Как следствие, стали разрабатываться правовые способы запрета демонстрации нацистской партии. Напрямую запретить марш мэрия Скоки не могла и поэтому действовала путем делегализации ключевой атрибутики любого нацистского собрания. Глава NSPA Ф. Колин обратился за юридической поддержкой в Американский союз гражданских свобод (American Civil Liberties Union) для защиты права участников марша на «свободу слова и собрания»⁴.

¹ Horowitz I.L., Bramson V.C. Skokie, the ACLU and the Endurance of Democratic Theory // *Democratic Theory, Law and Contemporary Problems*. – 1979. – № 2. – P. 328.

² Rubin E.L. Nazis, Skokie, and the First Amendment as Virtue // *California Law Review*. – 1986. – Vol. 74. – Iss. 1. – P. 233.

³ См.: Horowitz I.L., Bramson V.C. *Op. cit.* – P. 329.

⁴ Ibid.

Президент Чикагского отделения Американского союза гражданских свобод вместе с адвокатами обнародовали резюме, в котором утверждалось следующее: во-первых, нелегитимность правового запрещения деятельности данной организации по причине того, что демонстранты имеют мирные цели¹; во-вторых, неизбежность того, что запрет «мирного нацистского марша» встанет в противоречие с Первой поправкой Конституции США.

Как известно, в ходе последующего судебного разбирательства Окружной суд штата Иллинойс не нашел оснований для запрета нацистского марша в Скоки, но определил одно ограничение: под запрет попала демонстрация военной униформы и нацистской символики. Однако именно этот запрет стал оспариваться в суде адвокатами Американского союза гражданских свобод, написавших ряд жалоб и судебных исков. На первом этапе Апелляционный суд и Верховный суд штата Иллинойс перенаправили дело в Верховный суд США, который в свою очередь представил для суда Иллинойса жесткие процессуальные правовые ограничения, которые требуются для запрета символики нацистского марша. Как следствие, Апелляционный суд Иллинойса поддержал решение Верховного суда, сократив число запрещенных элементов марша в Скоки только до одной свастики, по сути, поставив вопрос о том, насколько Первая поправка к Конституции США может быть применена к *невербальной* символике типа свастики.

Именно в этой плоскости и стали развиваться последующие дискуссии по вопросам антиэкстремистского законодательства вплоть до наших дней, в процессе которых пытаются определить границы и правила так называемой свободной речи (*free speech*). Своеобразным правовым итогом дела Скоки стало решение Верховного суда Иллинойса разрешить NSPA организовать марш, включая отмену запрета на демонстрацию свастики, поскольку суд определил свастику как форму «символической речи» (*symbolic speech*), вписав ее тем самым под защиту Первой поправки Конституции США: «Верховный суд Иллинойса постановил, что свастика является политической формой символической речи (*symbolic speech*), а не *провокационными высказываниями* (*fighting words*)»².

¹ Horowitz I.L., Bramson V.C. Op. cit. – P. 329.

² Gardner T.J. Terry M. Anderson. Criminal Law. – Belmont, 2011. – P. 222.

Этот судебный прецедент до сих пор является одним из ярчайших моментов в развитии представлений о правовом противодействии преступлениям на почве ненависти и экстремизма, а также демонстрации экстремистской символики. Одним из парадоксов этого процесса, помимо ряда противоречащих друг другу судебных решений, стал тот факт, что директором Американского союза гражданских свобод, защищавшего интересы нацистской партии, был А. Нейер, еврей, сам прошедший через лагеря холокоста во время Второй мировой войны. Именно А. Нейер вместе Д. Хэмлингом защищали право нацистов на митинг: «Нейер и Хэмлинг решительно поддерживали позицию Американского союза гражданских свобод и были согласны с судебными решениями, которые подтверждают право нацистов на демонстрацию»¹.

Несмотря на то, что такая влиятельная организация, как Американский союз гражданских свобод, поддержала трактовку Первой поправки в отношении нацистской символики, оппоненты во главе с Д. Даунсом (D. Downs), защищая право жителей Скоки, поставили вопрос о правовом формализме в судебной интерпретации Первой поправки и ряда нормативных правовых актов США, приведшем к разрешению проведения марша нацистов в амуниции, с использованием символики, в городе, населенном евреями. Главной мишенью критики Д. Даунса стал так называемый принцип *содержательной нейтральности* (content neutrality), якобы имеющий место при демонстрации свастики. По мнению Д. Даунса, «общая практика судебных решений по данному делу неадекватна, поскольку они впадают в правовой формализм, игнорируя социальный контекст поставленных проблем... юридическая теория о нейтральности содержания действия игнорирует реальные последствия нацистской демонстрации для сообщества в Скоки»². Как полагает Э. Рубин, основной причиной, по которой инцидент в Скоки оказался почти нерешаемой проблемой для судебного понимания Первой поправки, является то, что поправка защищает «содержательно нейтральные» формы речи политического, критического характера, в то время как «символическая речь» при демонстрации свастики хотя *напрямую* и не содержит

¹ Rubin E.L. Op. cit. – P. 237.

² Ibid. – P. 235.

призывов к насилию и ненависти, но *потенциально* опасна¹. Как полагает Д. Даунс, адекватная юридическая квалификация проведенной нацистской демонстрации должна утверждать, что это была расовая дискредитация, ориентированная на «отдельных лиц и сообщество»². Таким образом, законодательно дискриминационные речи и манифестации, которые проповедуют ценности, не просто несовместимые, но предельно оскорбительные по отношению к мировоззрению большинства, не могут быть защищены. Демонстрацию нацистской символики, литературы и униформы в еврейской коммуне Скоки нельзя относить к «символической речи», поскольку последствия этого мероприятия далеко не символические, а реальные. Большинство жителей испытали состояние тяжелой психологической травмы, особенно после получения нацистской литературы, в которой утверждалось о необходимости «подавлять мировую еврейскую систему».

Как полагают оппоненты расширенного толкования Первой поправки в отношении мотивационной части преступлений на почве ненависти, «запрет нацистской демонстрации не превратит США в тоталитарную страну»³.

В целом сама защита принципа *содержательной нейтральности* действий и вербальных сообщений, по мнению Э. Рубина, отражает тот факт, что «мы защищаем некую нейтральную теорию речи потому, что не знаем, как сопоставлять содержание, состоящее из ценностей. Поэтому теория свободной речи – просто юридический формализм... Этот аргумент показывает наш моральный агностицизм, отсутствие у нас последовательной теории, с помощью которой мы можем отличить хорошее от плохого»⁴.

Рассматривая указанную проблему на дефинитивном уровне, можно сделать следующий вывод: трудность заключалась в том, что юридическое определение свободной речи «являлось слишком широким, чтобы быть приемлемым»⁵. Область действия, или, говоря языком юридической логики, *объем понятия* «свободная речь» юридически не был определен должным образом.

¹ Rubin E.L. Op. cit. – P. 237.

² Ibid. – P. 237.

³ Ibid. – P. 239.

⁴ Ibid. – P. 240.

⁵ Ibid. – P. 243.

Главным выводом из рассматриваемого судебного процесса, на наш взгляд, следует признать тот негативный факт, что в такой развитой в отношении правовой культуры стране, как США, «закон не защитил людей из Скоки, судебная власть проигнорировала защиту жителей от тяжелейшего эмоционального потрясения, близкого к травме»¹. Общественная дискуссия, последовавшая после рассмотренного судебного процесса, привела к интенсификации, дефинитивному и процессуальному уточнению антиэкстремистского законодательства в США. Ключевой проблемой, возникшей в процессе формирования нового американского законодательства, было соотношение между Первой поправкой Конституции США и квалификацией объективных маркеров преступного деяния на почве ненависти в его мотивационной части.

Рассматривая развитие американской правовой системы на примере судебной практики квалификации преступлений на почве ненависти и экстремизма в отношении социальных групп, следует отметить другое знаковое дело – «*R.A.V. против города Сент-Пол*» (*R.A.V. v. City of St. Paul, Minnesota, 505 U.S. 377, 1992*)². Как установлено следствием, 21 июня 1990 г. потерпевший Р. Джонс, афроамериканец, житель города Блафф (штат Миннесота), в котором преобладало белое население, нашел горящий крест во дворе своего дома. 17-летний подозреваемый, известный по судебным документам как R.A.V. (Роберт Энтони Виктория), задержанный позднее, был обвинен в нарушении ст. 292.01 Закона «О преступлениях на почве предубеждения» (*bias assault law*).

Судебная квалификация данного преступления претерпела ряд модификаций, после того как городская прокуратура не смогла обосновать наличие в деянии подсудимого признака *нападения* (*assault*). Таким образом, в факте установки и поджога креста на территории потерпевшего суд не нашел оснований для квалификации деяния по ст. 292.01 «Преступление против личности» и подвел дело под ст. 292.02 «Нарушение общественного порядка на почве предубеждения» (*bias disorderly conduct*)³. Реквалификация преступления со ст. 292.01 на ст. 292.02 в целом

¹ Rubin E.L. Op. cit. – P. 259.

² URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/505/377/case.html> (дата обращения: 22.12.2014).

³ Ord. № 17721, § 1, 4-19-90.

объяснима. Обе статьи включены в общий параграф 292 «Преступления в отношении религиозных убеждений, расового происхождения и пола» (Offenses Directed to Religious Beliefs, Racial Origins and Gender) уголовного закона Сент-Пола. Статья 292.01 предписывает: «...тот, кто умышленно или по неосторожности подвергает других лиц страху за свое здоровье, размещая на государственной или частной собственности символы, предметы, обозначения, граффити, в том числе горящий крест или нацистскую свастику, которые обоснованно воспринимаются окружающими как причинение угрозы, возможного вреда или насилия, неуважения или ненависти по признаку расы, цвета кожи, вероисповедания, религии или пола, признается виновным»¹. Таким образом, в данной статье отражена цель преступного деяния – причинение вреда здоровью или посягательство на жизнь потерпевших, сопровождающиеся использованием символики, действий, угроз, доказывающих факт предубеждения на религиозной, расовой или гендерной почве.

Здесь возникает вопрос, связанный с судебной квалификацией рассматриваемого деяния. Если преступник устанавливает на территории потерпевшего горящий крест, символизирующий расправы Ку-клукс-клана, религиозные войны и в целом несущий угрожающее значение для потерпевших, означает ли это, что данное деяние направлено «против личности жертвы»?

Как известно, ст. 292.02 «Нарушение общественного порядка на почве предубеждения» уголовного закона Сент-Пола также содержит указанные квалифицирующие признаки: «...тот, кто незаконно размещает на государственной или частной собственности символы, предметы, обозначения, граффити, в том числе горящий крест или свастику, которые могут пробуждать гнев, тревогу или обиду у других лиц по признаку расы, цвета кожи, вероисповедания, религии или пола, считается виновным»². Указанное означает, что деяние подозреваемого может быть квалифицировано по обеим статьям уголовного закона Сент-Пола. В связи с этим трудно согласиться с Т. Стрессгутом, полагавшим, что прокурор Сент-Пола переквалифицировал дело по ст. 292.02,

¹ St. Paul Municode. Section Sec. 292.01.

² Ibid.

«потому что в ней как раз и идет речь о поджоге крестов»¹. Обе статьи идентичны в перечислении возможных сопутствующих признаков, демонстрирующих религиозную нетерпимость и предубеждение. Более того, ст. 292.03 «Вандализм, основанный на религиозной, расовой или гендерной нетерпимости» (Religious, racial or gender-based vandalism) также содержит признаки «установки горящего креста или нацистской свастики без согласия собственника или законного владельца на государственной или частной собственности...»². Если деяние по ст. 292.01 имеет целью ущерб здоровью потерпевшего или посягательство на жизнь, а ст. 292.02 связана с посягательством на общественный порядок на основе религиозной, расовой или гендерной неприязни, то ст. 292.03 фиксирует посягательство на собственность потерпевшего, принадлежащего к социальной группе, ставшей объектом ненависти со стороны преступника.

При всем кажущемся различии трех статей уголовного закона Сент-Пола им присуща общая дефинитивная диффузия. Так, ст. 292.01 фиксирует, что потерпевший, обнаруживший свою собственность испорченной экстремистскими символами или горящим крестом, неизбежно испугается за свою жизнь и здоровье. Всякое посягательство на *собственность* жертвы по преступлению экстремистской направленности – это попытка запугать социальную группу, ставшую объектом преступления. Указанное означает, что все три рассмотренные статьи из уголовного закона Сент-Пола в действительности имеют дело с посягательством на личность потерпевшего на основе религиозного, расового или гендерного предубеждения.

Возвращаясь к судебному разбирательству по данному преступлению, невзирая на перекалфикацию дела со ст. 292.01 на ст. 292.02 адвокат подозреваемого Р.А.В. обжаловал постановление городского суда на том основании, что «вместо наказания преступных деяний суд наказывает конституционно защищаемые способы выражения мнения»³. Дальнейшее развитие событий приняло неожиданный оборот, когда «суд первой инстанции отклонил обвинения на том основании, что постановление о винов-

¹ Streissguth T. Hate crimes. – NY., 2003. – P. 58.

² St. Paul Municode. Section Sec. 292.03.

³ Streissguth T. Op. cit. – P. 58.

ности слишком сосредоточилось на смысловом содержании инкриминируемого деяния и поэтому покусилось на свободу выражения мнения, что противоречит Первой поправке. Местный суд согласился с этими доводами и снял обвинение»¹.

Городской суд, в свою очередь, обжаловал это решение. Затем Верховный суд Миннесоты отменил вердикт нижестоящего суда, ссылаясь на то, что слова «деяние лица вызывает гнев, тревогу или обиду в других» были однозначно истолкованы в более ранних судебных решениях, в частности, в деле «*Чаплинский против штата Нью-Гемпшир*» (США 315 568, 1942)². Именно после указанного дела в судебной практике США, благодаря решению Верховного суда, была сформулирована доктрина «провокационных слов» (fighting words), т. е. разновидности вербального сообщения, которое имеет четко выраженное намерение обострить ситуацию, спровоцировать ссору. Согласно Уставу Нью Гемпшира Чаплинский, представитель протестантской религиозной организации, был признан виновным в том, что публично произнес оскорбления в адрес начальника городской полиции, обозвав его «проклятым преступником и фашистом»³.

Глава 378 (раздел 2) государственных законов Нью-Гемпшира фиксирует, что «ни одно лицо не имеет права использовать насмешливые или обидные выражения в отношении другого лица, находящегося на законных основаниях на улице или в каком-либо ином общественном месте, а также называть его каким-либо оскорбительным или издевательским словом... обижать или насмехаться над ним, преследуя его за занятие законным предпринимательством или профессией»⁴.

Таким образом, возвращаясь к судебному разбирательству по делу «Р.А.В. против города Сент-Пол», следует отметить, что Верховный суд штата Миннесота, в очередной раз отменив ре-

¹ Сазерс Д. Американский подход к рассмотрению преступлений на почве ненависти и обеспечению свободы слова // Российское и зарубежное законодательство о преступлениях на почве расовой ненависти. Экспертиза, защита участников процесса: материалы семинара, 28 окт. 2011 г.: стенографич. отчет. – СПб., 2011. – С. 16.

² *Chaplinsky v. State of New Hampshire* 315 U.S. 568 (1942).

³ URL: <https://www.law.cornell.edu/supremecourt/text/315/568> (дата обращения: 23.11.2014).

⁴ См. нормативные правовые акты Нью-Гемпшира в ред. от 2014 г.: URL: <http://law.justia.com/codes/new-hampshire/2014/> (дата обращения: 24.11.2014).

шение нижестоящего суда, вновь вернулся к первоначальной трактовке приговора, согласно которой обвиняемый признавался виновным в «посягательстве»: «Верховный суд штата Миннесота отменил это решение указав, что данное деяние можно отнести не к выражению мнения, а к поведению, к произнесению призывов (fighting words) к немедленному насилию, которое не находится под защитой Конституции»¹.

Дело было направлено в Верховный суд США, который установил, что «постановление города Сент-Пол нарушает Первую поправку... и фактически запрещает устную или иную демонстрацию вражды в виде высказанного мнения. Суд отметил, что постановление запрещает не все проявления унижающего и оскорбительного отношения, а только относящиеся к определенным осуждаемым обществом темам. Однако Первая поправка не позволяет правительству налагать специальные ограничения, касающиеся содержания текстов и иных посланий, на тех, кто просто выражает свои взгляды по проблемам, обсуждение которых общество не одобряет»².

Таким образом, процесс судебной квалификации по данному делу имел чрезвычайно противоречивый характер. Суды разных инстанций, отменяя предыдущие судебные решения, пытались устранить дефинитивную неопределенность трактуемых понятий, сталкиваясь с серьезной общественной критикой.

Важной вехой в развитии антиэкстремистского законодательства и в целом общесудебного подхода к квалификации преступлений на почве ненависти и экстремизма в США стало решение Верховного суда по делу «Висконсин против Митчелла» (Wisconsin v. Mitchell, 92-515, 508 U.S. 47, 1993). Дело возникло по причине нападения, которое произошло в г. Кеноша (штат Висконсин) 7 октября 1989 г. Группа афроамериканцев после просмотра сцены из фильма «Миссисипи в огне», в котором «белый человек избил черного подростка, который молился»³, напала на белого подростка Г. Риддика и сильно избивала его. Особенность квалификации данного преступления связана с тем фактом, что перед совершением преступного деяния (во время

¹ Сазерс Д. Указ. соч. – С. 16.

² Там же.

³ Gardner T.J., Terry M. Anderson. Op. cit. – P. 290.

просмотра указанного фильма) один из подсудимых Т. Митчелл призывал друзей «поквитаться с белыми», пойти «сделать что-нибудь с кем-нибудь из них»¹.

Итак, Т. Митчелл был признан виновным в избиении при отягчающих обстоятельствах и обвинен в соответствии со ст. 939.645 (ч. 1, п. «b») Устава штата Висконсин, предусматривающей увеличение наказания в случае, если обвиняемый «умышленно выбирает жертву или имущество, поврежденное или каким-либо иным способом пострадавшее от преступления, в целом или частично по причине предубеждения или негативного отношения на почве расы, религии, цвета кожи, инвалидности, сексуальной ориентации, национальности или этнической принадлежности данного лица, или собственника, или временного владельца этого имущества независимо от того, было ли восприятие преступником потерпевшего ошибочным или нет»².

После признания Т. Митчелла виновным по ст. 939.645 (ч. 1, п. «b»), означающего увеличение срока заключения с 5 до 7 лет, его адвокаты подали апелляцию в Верховный суд штата, обосновывая это тем, что решение суда Висконсина по данному делу нарушает положение Конституции США и в целом сам нормативный правовой акт (ст. 939.645) не соответствует конституционным нормам. «Митчелл подал апелляцию, и Верховный суд штата Висконсин отменил приговор, постановив, что в данном случае применение закона о преступлениях на почве ненависти и соответствующее усиление наказания противоречит Первой поправке»³. Таким образом, суд установил, что в поведении Т. Митчелла необходимо различать как минимум два аспекта: само деяние и предшествующие ему призывы «поквитаться с белыми». Деяние, принесшее ущерб потерпевшему, безусловно, подлежит уголовной ответственности, в то время как восклицание о нападении на белых во время просмотра драматического фильма следует считать «свободным выражением мнения», тем более, как

¹ URL: <https://www.law.cornell.edu/supct/html/92-515.ZO.html> (дата обращения: 18.08.2014).

² URL: <https://docs.legis.wisconsin.gov/statutes/statutes/939/IV/645> (дата обращения: 17.08.2014).

³ Сазерс Д. Указ. соч. – С. 15.

утверждалось судом, так и не была доказана причинная связь между данными призывами и совершенным преступлением.

Впоследствии суд штата Висконсин выступил с обжалованием указанного вердикта в Верховном суде США. Высшей инстанцией американской судебной системы была установлена законность приговора, вынесенного Т. Митчеллу решением местного суда, поскольку было признано, что, даже если призывы обвиняемого к расправе над белыми были «выражением мнения», тем не менее потерпевший был выбран преступником не случайно, а на основании цвета кожи. Установлено следующее: «Митчелл выбрал Риддика исключительно на основании его расы, что и отражено в третьем решении суда штата Висконсин»¹. Верховный суд также посчитал уголовное законодательство штата Висконсин, в частности, ст. 939.645, соответствующими Конституции США.

Итак, в этом деле видна особая доказательственная стратегия, примененная Верховным судом США. Поскольку суд не располагал объективными доказательствами наличия негативного предубеждения у Т. Митчелла, то он пошел по пути доказывания *способа выбора* жертвы преступником.

Таким образом, обобщая значение рассматриваемого судебного разбирательства, следует отметить, что это дело выявило проблему неоднозначного толкования мотивационных предпосылок преступления на почве ненависти и экстремизма в контексте их коллизионного несоответствия конституционным нормам.

В другом знаковом деле – «*Мартинес против штата Техас*» (Martinez v. Texas, 980 S.W.2d 682, 1998) – была установлена практика судебной квалификации преступлений на почве ненависти, когда имеет место *ошибочное восприятие* преступником тех или иных характеристик личности потерпевшего.

По данному делу известно, что обвиняемый П. Мартинес был признан виновным в убийстве шестилетнего ребенка на основании раздела 19.03(a)(8) тexasского уголовного кодекса². Как отмечается в резолюции судейской коллегии, «Мартинес совершил преступление по причине предубеждения или предвзятости на почве пола и расы, что усилило тяжесть наказания... жюри

¹ Gardner T.J. Terry M. Anderson. Op. cit. – P. 290.

² URL: <http://codes.lp.findlaw.com/txstatutes/PE/5/19/19.03> (дата обращения: 26.02.2015).

присяжных определило максимальное наказание в 20 лет лишения свободы и 10 тысяч долларов штрафа»¹. Судьи вынесли такое решение несмотря на тот факт, что преступник ошибся в восприятии потерпевшего, ложно идентифицировав его как представителя афроамериканской группы, хотя в действительности ребенок таковым не являлся. Ключевым фактором судебной полемики стало то, что П. Мартинес и жертва не принадлежали к разным этническим группам. Суд, объясняя свое решение, постановил, что если негативное предубеждение против определенной расы людей повлияло на выбор потерпевшего в качестве объекта посягательства, то «не имеет значения, что потерпевший на самом деле не являлся представителем этой расы»².

Однако П. Мартинес обжаловал приговор, утверждая, что доказательств мотива ненависти, собранных судом, не достаточно для того, чтобы показать, что он намеренно выбрал потерпевшего в качестве жертвы именно по причине предубеждения. Как считала сторона защиты, судом не было представлено никаких доказательств причинно-следственной связи между предполагаемой предвзятостью П. Мартинеса в отношении чернокожих и смертью потерпевшего. Обвиняемый пытался убедить суд в том, что между его воображаемой ненавистью к афроамериканцам и фактом преступного деяния в принципе нет никакой связи и что, следовательно, его преступление следует квалифицировать как обычное убийство без отягчающих обстоятельств, связанных с ненавистью по расовому, этническому, религиозному или иному признаку. Однако прокурор городского суда высказал убеждение в том, что в деле содержится достаточно доказательств в поддержку усиления наказания в соответствии с законом.

Сложности судебной практики квалификации и доказывания по мотивационной части данного преступления были связаны с тем, что П. Мартинес не принадлежал к каким-либо ультраправым группировкам, не символизировал свою ненависть изображением свастики, горящих крестов, в общем, никак не обозначал свое деяние в знаково-символическом ключе, типичном для экстремистов и преступников на почве ненависти. В этом

¹ Streissguth T. Op. cit. – P. 90.

² Gardner T.J. Terry M. Anderson. Op. cit. – P. 290.

случае для доказывания наличия негативного предубеждения к потерпевшему суду пришлось задействовать весь комплекс косвенных улик по делу. В частности, суд установил, что потерпевший был ребенком мужского пола. Доказательства «доброго отношения подозреваемого к детям в семье», предоставленные защитой, показывают таковое лишь по отношению к детям женского пола. Что касается потерпевшего, он «имел родимое пятно, на основании чего преступник расценил его как чернокожего. Суд считает, что подсудимый выбрал ребенка на основании предвзятости и предубеждения по признаку расы»¹. Таким образом, суд в целом доверился косвенным доказательствам наличия предубеждения у П. Мартинеса, установив, что усиление наказания допустимо на основании собранных косвенных данных².

Итак, принципиальное значение в деле квалификации преступлений на почве ненависти играют не только объективные факторы и признаки, но и те субъективно воспринимаемые качества воображаемой социальной группы, которые преступник экстраполировал на потерпевшего, поскольку для суда оказалось важнее не столько то, к *какой группе* относится потерпевший, сколько то, как потерпевшего *воспринимает* преступник. Эта модель квалификации, как известно, получила название *дискриминационной*, так как она отражает основную интенцию доказательного процесса – не столько искать критерии групповой идентичности потерпевшего, сколько расследовать способ выбора преступником жертвы.

Данный судебный прецедент показывает, что в деле квалификации преступлений на почве ненависти суд может снять с себя бремя доказывания *объективных* факторов принадлежности жертвы к группе, предполагаемой преступником. Вместо этого судебная квалификация сосредоточивается на выявлении мотивационных субъективных факторов предубеждения преступника. Иным компонентом, повышающим значимость процесса «Мартинес против штата Техас», был факт того, что косвенные доказательства стали использоваться намного интенсивнее в доказа-

¹ Streissguth T. Op. cit. – P. 90.

² Ibid. – P. 91.

тельной практике по преступлениям на почве ненависти и экстремизма.

Другим ключевым делом, повлиявшим на становление зарубежного законодательства против преступлений на почве ненависти и экстремизма, стал судебный процесс «*Кинг против штата Техас*» (King V. Texas, Texas Court Of Appeals, No. 73, 433, 2000). В июне 1998 г. сотрудники полиции зарегистрировали убийство афроамериканца Джеймса Берда – младшего в г. Джаспер штата Техас. Подозреваемыми признаны Ш.А. Берри, водитель автомобиля, в который сел потерпевший, а также соучастники преступления Л.Р. Брюэр и Дж.У. Кинг. Убийство Джеймса Берда было совершено с частичным соблюдением обрядов Ку-клукс-клана, через унижение и последующее обезглавливание жертвы. 25 февраля 1999 г. главный подозреваемый Дж.У. Кинг был признан виновным в убийстве и на основании уголовного права Техаса приговорен к смертной казни.

Особенностью тexasского законодательства того времени являлось то, что ни уголовное, ни гражданское право не содержали норм, направленных против преступлений на почве ненависти и экстремизма. По особой категории дел также вступала в силу обязательная апелляция, в заключении которой адвокаты Дж.У. Кинга указали на «восемь ошибок, допущенных судом»¹. В частности, адвокаты, объясняя тот факт, что инкриминируемое Дж.У. Кингу преступление могло быть совершено после того, как он «приковал потерпевшего цепью к кузову пикапа», апеллировали тем, что «Берд изначально согласился сесть в машину к подозреваемым и отправиться в поездку»². Расовая составляющая мотива преступления была привлечена к делу несмотря на то, что в Техасе в 2000 г. не было антиэкстремистского законодательства. Именно этот мотив пыталась оспорить защита по нескольким подозреваемым. После того как была установлена причастность Дж.У. Кинга к расистской организации «Рыцари Америки», защита подозреваемого стала использовать *argumentum ad misericordiam*, настаивая на том, что Дж.У. Кинг присоединился к расистской группе после

¹ Streissguth T. Op. cit. – P. 99.

² Ibid.

того, как испытал унижение и издевательства со стороны чернокожих, находясь в тюрьме.

Одной из тем общественной полемики, последовавшей после данного дела, была критика в адрес администрации штата Техас, в частности, Дж. Буша, который, как известно, апеллируя к особенностям тexasского законодательства, выступал против введения новых норм, направленных на противодействие преступлениям на почве ненависти и экстремизма. Благодаря тexasскому инциденту тема преступлений на почве ненависти также, стала одной из ключевых на президентских выборах 2000 г. «Дело Джеймса Берда стало главной темой на американском национальном телевидении, сочетаясь с проблемой противодействия преступлениям на почве ненависти. Отсутствие эффективного закона против подобных преступлений в Техасе стало важным доводом для противников Дж. Буша, который, будучи губернатором Техаса и кандидатом в президенты, выражал свое нежелание разрабатывать такие законы»¹.

Весной 2001 г. под влиянием дела об убийстве Берда-младшего в Техасе были приняты и подписаны губернатором штата Р. Перри новые законы против преступлений на почве ненависти. Спустя восемь лет был принят общеамериканский Закон Мэттью Шепарда и Джеймса Берда – младшего, поставивший вопрос правового противодействия экстремизму на новый уровень.

Проблемы процессуального характера при доказывании по делам, связанным с преступлениями на почве ненависти, или по делам, в которых устанавливается наличие экстремистских компонентов, получили новую интерпретацию после нескольких судебных процессов, таких как «*Аппренди против Нью-Джерси*» (530 U.S. 466, 2000)² и «*Блэйкли против Вашингтона*» (Blakely V. Washington, 02-1632, 542 U.S. 296, 2004)³. «Разница между преступлениями на почве ненависти в случаях, когда дискриминация является элементом доказывания отдельного преступления и когда предубеждение может служить основанием для усиления

¹ Streissguth T. Op. cit. – P. 100.

² URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/530/466/> (дата обращения: 22.04.2015).

³ URL: <https://www.law.cornell.edu/supct/html/02-1632.ZO.html> (дата обращения: 22.04.2015).

наказания за доказанное основное преступление, фактически признана несущественной после рассмотрения Верховным судом США двух дел: «Аппренди против штата Нью-Джерси» в 2000 году и «Блэйкли против округа Вашингтон» в 2004 году»¹. Благодаря этим прецедентам «пункты, которые помимо основного обвинения в судебном процессе влияют на усиление наказания, должны быть доказаны присяжными вне всяких обоснованных сомнений»².

В судебном разбирательстве «*Аппренди против штата Нью-Джерси*» было установлено, что Аппренди совершил ряд выстрелов в дом, где проживала афроамериканская семья, сделал заявление (от которого он впоследствии отказался)³, из которого следовало, что проживание афроамериканцев в его районе для него являлось крайне нежелательным.

На основании установленных фактов, в соответствии с законодательством штата Нью-Джерси Аппренди было предъявлено обвинение в незаконном использовании огнестрельного оружия второй степени. Наказание по данной статье варьировалось от 5 до 10 лет лишения свободы. Первоначальная квалификация деяния Аппренди не включала ссылки на законы против преступлений на почве ненависти, которые имелись в уголовном праве Нью-Джерси, но как только он признал себя виновным, прокурор подал ходатайство об ужесточении наказания⁴. Суд на основании веских доказательств признал, что обвиняемый действовал на почве расовой ненависти, и приговорил его к заключению на срок в 12 лет. Впоследствии Верховный суд штата подтвердил это решение. Особенность законодательства Нью-Джерси заключалась в существенном усилении наказания в случае, если доказано, что преступление основано на предубеждении и вражде к социальной группе: «В соответствии с законом штата Нью-Джерси, наказание за попытку убийства или вооруженного нападения могло бы быть дополнительно увеличено на срок от 10 до 20 лет, если бы судья счел доказанным, что мотивом преступления была расовая дискриминация. Но Верховный суд США по-

¹ Сазерс Д. Указ. соч. – С. 14.

² Hudson D.L.Jr. Hate Crimes. – NY, 2009. – P. 35.

³ URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/530/466/> (дата обращения: 22.04.2015).

⁴ Ibid.

становил, что конституционное право граждан на суд присяжных требует, чтобы любой факт, который может повлечь за собой усиление наказания за совершенное преступление, обязательно должен быть установлен судом присяжных. Поэтому, если обвиняемый просит рассмотреть его дело в суде присяжных, то необходимость любого усиления наказания должна быть доказана присяжным, а судья, если он уже пришел к выводу о наличии мотива ненависти при совершении преступления, сам не может на этом основании увеличивать наказание»¹.

В деле «Блэйкли против Вашингтона» (Blakely v. Washington, 542 US 296, 2004)² в 2004 г. проблема была связана с толкованием и доказательственной практикой согласно нормативам Руководства по назначению наказаний Вашингтона (Washington sentencing guidelines)³. В целом дело Блэйкли стало катализатором правовой дискуссии о конституционности принципов доказывания и обвинения в США. «Решение Блэйкли оказалось первым в ряду дел, изменивших обязывающую компоненту ключевых положений в доказательстве и вынесении приговора»⁴. По данному делу Верховный суд постановил, что только в суде присяжных может быть произведено доказывание по преступлениям на почве ненависти, даже если «мотив ненависти» не приводит к существенному увеличению наказания. Таким образом, проблема выражалась в процессуальном определении процесса доказывания и обвинения в контексте их непротиворечия с Шестой поправкой Конституции США⁵. «Таким образом, после 2004 года прокуроры в Соединенных Штатах должны обосновывать требование усиления наказания в суде присяжных, в том числе в случае преступления на почве ненависти, а определять, доказало ли обвинение наличие мотива ненависти вне всяких обоснованных сомнений должны присяжные заседатели, как и при оценке любых других пунктов в обвинении»⁶.

¹ Сазерс Д. Указ. соч. – С. 14.

² URL: <https://www.law.cornell.edu/supct/html/02-1632.ZS.html> (дата обращения: 22.04.2015).

³ Samaha J. Criminal Law. – Belmont, 2014 – P. 32.

⁴ Ashworth A. Sentencing and Criminal Justice. – Cambridge, 2009. – P. 60.

⁵ См.: Hall D.E. Criminal Law and Procedure. – Delmar, 2012. – P. 570.

⁶ Сазерс Д. Указ. соч. – С. 14

Вопросы судебной квалификации преступлений на почве ненависти по отношению к инвалидам ставились в деле «*Нью-Джерси против Доуел Эт Ал*» (New Jersey V. Dowell Et Al, 756 A.2d 1087, 2000) в Верховном суде Нью-Джерси. Судейской коллегией округа Монмут, на основании положений 2С: 12-1(Е) и 2С: 33-4 (D) Устава Нью-Джерси, было объявлено обвинение подсудимым в преступном сговоре с целью совершения похищения, преследования, запугивания, незаконного использования оружия, в сексуальном насилии при отягчающих обстоятельствах¹.

Потерпевший, фигурирующий в судебных документах как Э.К., страдал от ограниченных возможностей. Он имел заторможенное интеллектуальное развитие, дефекты сердечно-сосудистой системы и обучался в специализированной школе. Как установлено следствием, в январе 1999 г. Э.К. был похищен злоумышленниками, помещен в изолированное место и привязан к стулу. Преступники надругались над потерпевшим посредством издевательства над его внешностью, принуждения к употреблению в пищу отходов, нанесения ожогов в область груди зажженными сигаретами. Впоследствии потерпевший был избит и выброшен в безлюдном лесистом районе².

Что касается судебной квалификации деяния, согласно статутам Нью-Джерси «обвиняемый может быть приговорен к увеличенному сроку лишения свободы, если он при совершении преступления действовал с целью причинения вреда лицу или группе лиц по признаку расы, цвета кожи, пола, инвалидности, религии, сексуальной ориентации или этнической принадлежности»³. При всей ясности закона (рассматриваемый статут Нью-Джерси был дополнен новыми признаками *пола* и *инвалидности* (handicap) за два года до данного преступления) критерии инвалидности как особой защищенной категории законодательно не были определены.

Более того, в 1997 г., после выхода поправок в статут Нью-Джерси о внесении изменений в квалификацию преступлений на почве ненависти при помощи дополнительных признаков пола и инвалидности, в юридических дискуссиях появились критиче-

¹ Streissguth T. Op. cit. – P. 93.

² Ibid.

³ Ibid.

ские доводы против новых законодательных инициатив. Как утверждалось, понятие инвалидности является «слишком расплывчатым и открытым для чрезвычайно широкого толкования со стороны полиции, сотрудников прокуратуры и судов»¹.

Решение суда по делу «Нью-Джерси против Доуел Эт Ал» стало стимулом для развития нормативно-процессуального законодательства о преступлениях на почве ненависти в отношении инвалидов. В вердикте суда содержались дефинитивные уточнения понятия инвалидности².

Принципы доказывания вины по преступлениям на почве ненависти в контексте собирания фактов, имеющих отношение к делу, были рассмотрены в ходе судебного разбирательства «Кападия против Талли» (Kapadia V. Tally, United States Seventh Circuit Court Of Appeals, 98-1654, 2000)³. Судом было установлено, что в ноябре 1993 г. А. Кападия и Д. Вейдерхолд обокрали и подожгли центр помощи беженцам из Восточной Европы. Было выявлено, что центр принадлежал еврейской организации, предоставлявшей услуги бывшим еврейским иммигрантам из России. На территории центра, помимо офисных помещений и кухни, была расположена небольшая синагога, в которой проводились религиозные мероприятия.

Определив особенности собственности, ставшей объектом преступного покушения, суд не нашел доказательств мотивации преступников на почве ненависти. Однако после того, как судья признал подсудимых виновными и «назначил дату вынесения приговора, по пути из зала суда обвиняемый А. Кападия сказал заместителю судьи Д. Беннету: «Вы можете передать судье от меня, что он [...]»⁴ и нужно [...]»⁵ всех евреев». В тот же день в помещении карцера А. Кападия снова обратился к Д. Беннету по поводу еврейского происхождения судьи. По показаниям заместителя судьи Д. Беннета, он также слышал оскорбительные ре-

¹ Streissguth T. Op. cit. – P. 94.

² Ibid. – P. 93.

³ URL: <http://caselaw.findlaw.com/us-7th-circuit/1203964.html> (дата обращения: 22.04.2015).

⁴ Грубое выражение для самки собаки.

⁵ Грубое выражение для полового акта.

плики А. Кападия в адрес евреев и в здании суда»¹. Эти показания подтвердились и другим сотрудником суда.

А. Кападия был приговорен к максимально возможному сроку – 14 годам лишения свободы, с учетом его антиеврейских заявлений. Соучастника А. Кападия Д. Вейдерхолда суд приговорил к пятилетнему тюремному заключению, обосновывая это тем, что его поведение было отчасти вызвано его совместной деятельностью с А. Кападия.

Однако А. Кападия обжаловал приговор, утверждая следующее:

его антисемитские оскорбления были направлены персонально в адрес судьи и никак не связаны с поджогом и порчей имущества, поскольку то или иное отношение обвиняемого к судье не может считаться мотивацией к совершению деяния, произошедшего ранее;

столь суровый приговор суда, приобщивший антисемитизм обвиняемого к делу о поджоге, нарушил положение Первой поправки, дающей право на свободу слова.

В ходе судебного разбирательства районный суд отклонил апелляцию А. Кападия, объяснив это следующим: максимальный приговор, учитывающий его расистские выпады, был основан на предположении, что, если, находясь еще в здании суда, перед лицом правосудия, обвиняемый произносит оскорбления в адрес судейской коллегии, то это означает, что для реабилитации подсудимого требуется значительно больше времени. Дело дошло до Апелляционного суда Иллинойса, который подтвердил первоначальный приговор. Верховный суд Иллинойса впоследствии отказался рассматривать дело, и его затем передали в Федеральный апелляционный суд, который оставил в силе первоначальный 14-летний срок А. Кападия².

Таким образом, указанное дело является ярким примером судебной практики привлечения косвенных улик при доказывании мотиваций по преступлениям на почве ненависти. Суд приобщил к делу показания заместителя судьи и нашел связь между ними и поведением обвиняемого, связанным с поджогом имущества, принадлежащего еврейскому центру.

¹ URL: <http://caselaw.findlaw.com/us-7th-circuit/1203964.html> (дата обращения: 22.04.2015).

² Streissguth T. Op. cit. – P. 95.

Прецедентным в данном судебном решении является тот факт, что преступную мотивацию, основанную на ненависти и экстремизме, стали рассматривать в контексте маловероятных шансов на скорую последующую реабилитацию подсудимого. Преступления на почве ненависти, как правило, требуют большего срока наказания для того, чтобы предоставить преступнику возможность осознания неправомерности своего противоправного деяния. «Способность преступника к последующей реабилитации может быть определена с помощью различных факторов на стадии обвинения, в ходе судебного разбирательства, а также на стадии вынесения приговора. В этом случае имеет большое значение поведение подсудимого во время и после судебного разбирательства»¹.

Одним из самых противоречивых судебных процессов, повлиявших на принципы судебной квалификации преступлений на почве ненависти и экстремизма, является дело «Техас против Джонсона» (Texas v. Johnson, 491 U.S. 397, 1989)², в ходе которого рассматривался факт публичного сожжения одного из символов США – национального флага. Специфика этого процесса заключалась в том, что реальных потерпевших, которым был причинен имущественный или физический ущерб, как установило следствие, не было. В материалах дела отмечается, что «никто физически не пострадал и не был напуган возможностью ущерба, однако несколько свидетелей были потрясены и оскорблены самим фактом сожжения флага»³. Как следует из материалов дела, 22 августа 1984 г., во время съезда партии республиканцев в Далласе, Дж.Л. Джонсон в знак протеста против политики США публично сжег американский флаг и был сразу же арестован на основании законодательства штата Техас, согласно которому всякое надругательство, уничтожение или осквернение почитаемых объектов (desecration of a venerated object) является преступным⁴. Суд Техаса признал Дж.Л. Джонсона виновным, наказание включало в себя годовое лишение свободы и штраф в две тысячи дол-

¹ Streissguth T. Op. cit. – P. 97.

² URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/491/397/case.html> (дата обращения: 09.10.2014)

³ См.: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/491/397/> (дата обращения: 10.10.2014).

⁴ Ibid.

ларов. Первая апелляция была отклонена, и апелляционный суд признал законность вердикта. Однако следующая апелляция в Высшем апелляционном суде Техаса по уголовным делам (Texas Court of Criminal Appeals) показала, что судебное толкование ряда антиэкстремистских норм США чрезвычайно неопределенно и, как следствие, подвержено разночтению и коллизиям. Так, рассматривая материалы дела, судебная коллегия Высшего апелляционного суда Техаса посчитала решение тexasского регионального суда неконституционным и сняла обвинение с Дж.Л. Джонсона. Суд заключил, что «государство, в соответствии с Первой поправкой, не могло наказать Джонсона за сжигание флага в данных обстоятельствах»¹. Техасский суд опротестовал решение Высшего апелляционного суда в Верховном суде США.

Основная дискуссия по ключевым дефинициям и толкованию процессуальных норм, определяющих данное дело, развернулась как в рамках судебного разбирательства в Верховном суде, так и между членами судебной коллегии, выступившими с обращениями и открытыми письмами к общественности. После нескольких месяцев судебных слушаний суд с небольшим преимуществом (пять против четырех голосов коллегии) не только признал Дж.Л. Джонсона невиновным, но и установил неконституционность самого закона штата Техас, по которому «свободное и ненасильственное» мнение Дж.Л. Джонсона, гарантированное ему Первой поправкой Конституции, признавалось незаконным. По сути, Верховный суд создал прецедент в толковании преступлений на почве предубеждения, приравняв физическое действие (physical act) к речи (speech) и выражению мнения. Примечательно, что противоречивость этого дела отмечалась не только в том, что судебные решения исключали друг друга, но и в том, что даже те судьи, которые выступили за оправдание Джонсона и против закона штата Техас, признавали это решение необходимостью, которая им не нравилась². Председатель Верховного суда США Ренквист принял сторону противников Дж.Л. Джонсона и сторонников законов Техаса.

¹ См.: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/491/397/> (дата обращения: 10.10.2014).

² Ibid.

В резолюции суда уточнялось, что в данном деле имеет место преследование за выражение *своих идей при помощи действий*. «Джонсон, мы должны добавить, был осужден не просто за выражение какой-то идеи; он был осужден за выражение недовольства политикой нашей страны, то есть ему ставилось в вину то, что составляет саму суть ценностей нашей Первой поправки. Если существует основополагающий принцип, составляющий сущность Первой поправки, то он состоит в том, что правительство не имеет права запретить выражение идеи только потому, что общество считает эту идею оскорбительной или не согласна с ней»¹. Суд высказал предположение, что деяние Джонсона, сжегшего национальный символ США, не приносит ущерба и не несет никакой угрозы государству, поскольку само основание государственной системы связано с возможностью выражения свободы слова. Более того, надругательство Джонсона над флагом следует рассматривать не как антигосударственную экстремистскую деятельность, а, скорее, наоборот, – как соперничество и заинтересованность в процветании США, а также активную жизненную позицию подсудимого. Именно флаг США символизирует возможность свободы, в том числе *по отношению к флагу*. Таким образом, служа флагу, как было заявлено в суде, мы разрешаем ненасильственное надругательство над ним, и решение суда по реабилитации Джонсона следует рассматривать как акт торжества самой идеи флага США – выражения свободной позиции. «Флаг отражает не непреклонность нации, как это видит штат Техас, а способность нации к восстановлению душевных и физических сил, и именно это качество мы вновь подчеркиваем сегодня. Охранять особую роль флага следует не путем наказания тех, кто испытывает иные чувства по отношению к этим вещам»². Указанное мнение большинства в судейской коллегии, однако, встретило решительную критику как со стороны ряда общественных групп, так и внутри суда. Оппоненты реабилитации Дж.Л. Джонсона упрекнули судей, принявших данное решение, в «излишней логизированности», с которой вердикт выводится из норм Конституции, уставов и процессуальных норм. Как утверждалось на

¹ URL: <http://www.hrights.ru/text/b4/Chapter17.htm> (дата обращения: 12.11.2014).

² Ibid.

суде сторонниками тexasского решения по данному делу (виновность Джонсона), американский флаг – это «такая страница истории, которая намного дороже множества томов логики». По их мнению, суд стал жертвой казуистики, законодательно разрешив надругательство над священными символами. Закон штата Техас, запрещающий сожжение национального флага, в действительности не посягает на свободу слова, но запрещает «действие, имеющее чрезвычайно оскорбительный характер для окружающих».

Правовые перипетии и судебные прения по данному делу чередовались с патетической риторикой с обеих сторон. Доводу большинства в судебной коллегии о том, что «служа свободе и флагу, мы разрешаем его сжигать», оппоненты противопоставили риторический контраргумент, согласно которому текст Первой поправки, запрещающий государству законодательно определять какие-либо особые сферы в обществе, не подвластные критике и свободному выражению мнения, не имеет того авторитета, которым обладает флаг: не государство утверждает юрисдикцию флага, а «двести лет героической истории»¹.

Итак, очевидно, что данное судебное дело отражает определенные аспекты противоречивого характера американского законодательства в отношении преступлений на почве ненависти. Эта противоречивость выражалась в том, что юрисдикция одного субъекта государства признавалась Верховным судом неконституционной, а в самом Верховном суде практически в равной степени судьи приняли прямо противоположные позиции.

Судебная квалификация преступных деяний, как уже отмечалось, опирается на дефинитивный базис, заложенный в нормативных правовых актах той или иной отрасли права. В ряде случаев, когда государственная правовая система не содержит отдельных нормативных актов, направленных против преступлений на почве ненависти и экстремизма, в ход вступает общее уголовное законодательство.

Так, по делу, рассматривавшемуся в апелляционном суде Амстердама 15 декабря 2011 г. (National Jurisprudence Number: BU8317.)², было установлено, что «двое потерпевших, находясь в

¹ URL: <http://www.hrights.ru/text/b4/Chapter17.htm> (дата обращения: 12.11.2014).

² Court of Appeal Amsterdam, the Netherlands. № 23-003278- 11. National Jurisprudence Number (LJN): BU8317.

парке города в Нидерландах, стали жертвами нападения злоумышленника, который, спросив у потерпевших, относятся ли они к лицам нетрадиционной сексуальной ориентации, и получив утвердительный ответ, оскорбил указанную социальную группу, ударил одного из потерпевших по голове и избил ногами второго потерпевшего»¹. Приехавшие на вызов сотрудники полиции столкнулись с агрессией и оскорблениями в свой адрес со стороны задержанного.

Особенностью голландской законодательной системы является отсутствие специальных законов, регулирующих преступления на почве ненависти и предубеждения. Однако при рассмотрении обстоятельств инцидента судья приобщил к делу факт предубеждения преступника в отношении социальной группы по признаку сексуальной ориентации, установив отягчающие обстоятельства, и усилил последующее наказание². Данный случай показывает, что возможность правового преследования преступлений на почве ненависти в целом может иметь место в правовой среде, в которой не просто отсутствуют специальные нормы против данного рода преступлений, но и нет возможности «маркировать преступное деяние в качестве преступления на почве ненависти»³. Таким образом, «почти любая система уголовного правосудия может наложить адекватное наказание на основании конкретных обстоятельств дела, пропорциональное вреду, причиненному преступлением»⁴.

Приговор, вынесенный по вышеуказанному делу Апелляционным судом Амстердама, включал указание на усиление наказания и отражал не столько характеристику того, что деяние относится к категории преступлений на почве ненависти и экстремизма, сколько тот факт, что данное деяние, сопровождаясь мотивацией, выявленной в ходе следствия, имеет особо *дестабилизирующий* характер для общества.

Таким образом, становится очевидным, что в рассматриваемом деле задействована иерархическая система толкования тяжести мотивации. Так, если бы потерпевшими оказались не пред-

¹ Prosecuting Hate Crimes: A Practical Guide. – P. 25.

² Ibid.

³ Ibid. – P. 26.

⁴ Ibid.

ставители сексуальных меньшинств, а обычные граждане, то инцидент имел бы характер типичного хулиганства, и, возможно, наказание, последовавшее после судебных прений, не было бы столь сильным, так как не включало бы признак ненависти к тем или иным социальным группам.

Итак, можно подчеркнуть, что рассмотренные аспекты практики судебной квалификации и доказывания по преступлениям на почве ненависти и экстремизма имеют чрезвычайно сложный характер. Не анализируя сущность выявленных проблем, тем не менее, следует отметить, что область судебных решений оказывается в той или иной степени конститутивной для формирования законодательной программы противодействия преступлениям на почве ненависти. В контексте судебной практики квалификации и доказывания применяются уголовно-процессуальные положения, выявляются их противоречия и сложности для последующего устранения на законодательном уровне.

Глава 2. Проблемы правового противодействия преступлениям на почве ненависти и экстремизма: зарубежный опыт

2.1. Концептуальные трудности уголовного законодательства в борьбе против преступлений на почве ненависти и экстремизма

Для всестороннего понимания сущности проблемы преступлений на почве ненависти и экстремизма необходимы объективные данные, четкие эмпирические маркеры, показывающие весь масштаб рассматриваемого предмета. Однако откуда берется эта объективная статистическая информация? Насколько полной картиной происходящего обладают государственные службы и правоохранительные органы? В США, например, был принят Закон «О сборе статистической информации по преступлениям на почве ненависти» (Hate Crimes Statistics Act, 28 U.S.C. 534(b)(1)¹, обязывающий Министерство юстиции США предоставлять данные по преступлениям против личности и имущества, совершенным по причине предубеждения на почве «расовой, этнической, религиозной, половой ориентации, инвалидности»². Согласно этому нормативному правовому акту администрация ФБР³ уполномочена разрабатывать процедуры для сбора и управления данными преступлениями и в целом ответственна за реализацию Программы по единой отчетности по преступлениям (Uniform Crime Reporting Programme)⁴.

Указанная программа имеет двухуровневую структуру идентификации и сбора информации по правонарушениям на почве ненависти. На первом уровне данные собираются сотрудниками региональных правоохранительных органов, которые зачастую собирают информацию совместно со специальными агентствами, состоящими из квалифицированных специалистов в

¹ URL: <http://www.fbi.gov/about-us/cjis/ucr/hate-crime/2011/resources/hate-crime-statistics-act> (дата обращения: 22.03.2015).

² Scheb J.M. Criminal Law. – Belmont, 2012. – P. 185.

³ См.: Criminal Justice Information Services, Division Uniform Crime Reporting Program. Hate Crime Data Collection Guidelines and Training Manual. – P. 3.

⁴ URL: <http://www.fbi.gov/about-us/cjis/ucr/ucr> (дата обращения: 22.03.2015).

вопросах идентификации указанных преступлений. Таким образом, правоохранительные органы формируют первичный массив данных об инцидентах, фиксируя по каждому преступлению «маркеры предубеждения» (bias markers). Именно на этом уровне система сбора данных соприкасается с реальностью, когда следователь, регистрируя инцидент, делает предположение о его связи с преступлениями на почве ненависти и экстремизма. Однако для того чтобы квалифицировать преступное деяние на основании вышеуказанных «маркеров предубеждения», сотрудники правоохранительных органов должны, во-первых, иметь четкие дефиниции квалификационных признаков, с которыми будут соотноситься установленные обстоятельства дела, во-вторых, пройти специальную подготовку для профессиональной работы в этой области – подготовку, повышающую компетентность сотрудников в диагностике правонарушений. В-третьих, сотрудники правоохранительных органов должны опираться на строго установленные нормативно-процессуальные правила сбора и предоставления данных в аналитические учреждения второго уровня.

Итак, на вторичном уровне, представленном сотрудниками агентств либо специалистами из правоохранительных органов, принимается окончательное решение о включении инцидента в число статистических данных по преступлениям на почве ненависти согласно вышеуказанной Программе¹. Таким образом, четкие дефиниции, исчерпывающие списки квалификационных признаков, наличие профессионального обучения для сотрудников и четкой процессуальной системы сбора данных – это предпосылки качественного сбора статистической информации.

Рассматривая функционирование Закона «О сборе статистической информации по преступлениям на почве ненависти», следует отметить, что его первая редакция со временем претерпела ряд дополнений, расширяющих общепризнанно ограниченный список параметров предубеждения (bias) включением информации по инцидентам в отношении других социальных групп². Таким образом, значимость указанной нормы заключается в том, что вся информация по глобальному мониторингу преступлений

¹ Criminal Justice Information Services. Division Uniform Crime Reporting Program. Hate Crime Data Collection Guidelines and Training Manual. – P. 4.

² URL: <https://www.ncjrs.gov/txtfiles/billfs.txt> (дата обращения: 07.08.2014).

на почве ненависти и экстремизма исходит от принципов, заложенных в данном нормативном правовом акте.

Однако, говоря о трудностях правового регулирования сбора статистической информации, есть смысл указать, что коренной дефект указанного Закона заключается в его квалификационной ограниченности¹. О несовершенстве общеамериканской системы сбора данных по преступлениям на почве ненависти и экстремизма было заявлено в недавнем докладе под названием «Отчетность и использование информации по преступлениям на основе предубеждения»² за 2014 г., подготовленном департаментом полиции Нью-Йорка и Отделом государственного управления по отчетности (Division of State Government Accountability). Цели этого доклада были следующие: во-первых, «определить, являются ли методы и приемы департамента полиции Нью-Йорка (NYPD) по сбору, регистрации и предоставлении отчетности об инцидентах, связанных с преступлениями на почве ненависти и экстремизма, объективными, точными и адекватными для принятия управленческих решений», во-вторых, оценить, «получают ли сотрудники NYPD достаточную подготовку в целях эффективного выявления и устранения возможных инцидентов, связанных с преступлениями на почве ненависти»³.

С принятием Закона «О сборе статистической информации по преступлениям на почве ненависти» правоохранительные органы штата Нью-Йорк, а также других штатов собирают и представляют статистические данные о преступлениях в Отдел служб уголовного правосудия (Division of Criminal Justice Services)⁴. Отдел собирает статистические данные о преступлениях на почве ненависти и экстремизма в ежегодном отчете штата и представляет сводные данные в ФБР для сбора, анализа и публикации. Так, «Отдел служб уголовного правосудия сообщает о 720 пре-

¹ Tong S., Bryant R.P., Horvath M.A.H. Understanding Criminal Investigation. – Oxford, 2009. – P. 138.

² New York City Police Department. Reporting and Utilization of Bias Incident Data. – NY., 2014.

³ Ibid. – P. 1.

⁴ См.: <http://www.criminaljustice.ny.gov> (дата обращения: 07.09.2014).

ступлениях на почве ненависти за 2012 год, из которых 374 случая (52%) произошли в городе Нью-Йорке»¹.

Однако в результате проведенных совместных исследований департамента полиции Нью-Йорка и Отдела государственного управления по отчетности, было выявлено следующее.

1. Комиссия не могла подтвердить, что все представленные инциденты, связанные с преступлениями на почве предубеждения, были должным образом расследованы, зафиксированы и отражены в соответствующих рапортах.

2. С 2010 по 2012 г. наблюдалось существенное расхождение данных о количестве инцидентов в индивидуальных рапортах с данными суммарных отчетов по зарегистрированным случаям. Например, за 2010 г., согласно индивидуальным рапортам об инцидентах, произошло 371 преступление на почве ненависти и экстремизма, однако в годовом отчете отдела служб уголовного правосудия было зафиксировано только 350 таких преступлений².

3. В процессе сбора и обработки информация поступает крайне разрозненно и децентрализованно. Ни правоохранительные органы, ни агентства по реализации программы сбора сведений не сформировали централизованного органа по анализу, планированию, координации действий, а также принятию необходимых организационно-процессуальных решений на основании собранных данных. Следовательно, «эти данные не используются с целью принятия управленческих решений центрального аппарата»³.

В указанном докладе содержатся рекомендации не только о способах организации документооборота, внутриведомственной субординации и координации, но также о необходимости улучшения учебной программы подготовки сотрудников полиции Нью-Йорка в отношении преступлений на почве ненависти и экстремизма. В частности, предлагается «рассмотреть вопрос о необходимости включения постоянно действующих профессиональных тренингов для сотрудников департамента полиции Нью-Йорка, сделать обучение по квалификации преступлений на поч-

¹ New York City Police Department. Reporting and Utilization of Bias Incident Data. – P. 1.

² Ibid.

³ Ibid.

ве ненависти частью регулярной учебной программы профессиональной подготовки»¹. Одним из ключевых критериев повышения квалификации сотрудников правоохранительных органов является понимание ими ключевых квалификационных маркеров как для социальных групп, так и для мотиваций преступников.

14 июня 2013 г. в штате Нью-Йорк состоялся публичный форум, посвященный оценке работы регионального законодательства против преступлений на почве ненависти (прежде всего, главы 107 свода законов Нью-Йорка от 2000 г.). Как отмечается в финальном рапорте², в соответствии с законодательством правоохранительные органы федерального и муниципального уровней должны сообщать данные о преступности на почве ненависти и экстремизма. Эти данные включают в себя количество жертв, тип жертв, количество правонарушителей, тип мотивации преступления, тип преступного посягательства, место преступления. Особое внимание было направлено на тот факт, что «одного лишь требования предоставления отчетных данных недостаточно. Проблема заключается в том, что в текущем законе не прописан механизм принуждения, что приводит руководство ряда департаментов полиции к отказу от предоставления требуемых сведений о преступлениях на почве ненависти и экстремизма»³. Другим следствием указанной проблемы является халатное отношение администраций некоторых департаментов полиции к качеству профессиональной подготовки сотрудников по преступлениям на почве ненависти.

Безусловно, указанные рекомендации департамента полиции Нью-Йорка и Отдела государственного управления по отчетности отражают насущную проблему адекватного правового регулирования квалификации и сбора сведений по рассматриваемому виду преступлений. Если первичный сотрудник органа дознания или следователь не представляют себе, какие именно квалификации составляют доказательственную базу по преступлениям на основе предубеждения, если собранные случайные факты об инцидентах включаются в несбалансированный, разрозненный поток рапортов, никем не систематизированный и ведомственно не скоординированный, без всякого централизующего органа, если на основе со-

¹ New York City Police Department. Reporting and Utilization of Bias Incident Data. – P. 1.

² New York's Hate Crimes Law: An Assessment. – NY., 2013.

³ Ibid. – P. 4.

бранных данных не производится никаких управленческих, процессуальных обобщений, то на выходе всей этой системы, безусловно, будут получены сведения весьма далекие от реального положения дел. Итак, принципиальность вопроса о сборе данных состоит в том, что именно эти данные дают возможность представить себе сущность и масштабы проблемы.

Проблема неточности и разрозненности сведений, однако, присуща не только региональным структурным подразделениям Программы по единой отчетности по преступлениям. На общегосударственном уровне в США проблема выглядит еще более удручающей. Методики по сбору данных по-прежнему существенно отличаются на уровне юрисдикций отдельных штатов. «Пробелы и несоответствия в национальной отчетности можно увидеть при сравнении данных о преступлениях на почве ненависти в разных штатах, использующих различные способы сбора информации»¹. Мозаичность нормативного правового законодательства США в отношении преступлений на почве ненависти связана с существенными различиями основных дефиниций уголовного права и способов квалификации преступлений, варьирующихся от штата к штату.

Согласно отчетам национальных систем представления данных об инцидентах (National Incident-Based Reporting Systems, NIBRS), трудности правового регулирования заключаются в следующем:

в существенных различиях в уголовных законодательствах штатов по преступлениям на почве ненависти, «в том числе различных методах предоставления статистической отчетности по данному виду преступлений»²;

в принципиальных различиях в качестве процедур сбора данных;

в различиях в обучении сотрудников правоохранительных органов отчетности по преступлениям на почве ненависти;

в отсутствии консенсуса в вопросах правомочности толкования преступлений на почве ненависти как самостоятельного вида уголовных преступлений³.

¹ Shively M. Study of Literature and Legislation on Hate Crime in America. – Washington, 2005. – P. 2.

² Ibid.

³ Ibid.

Поясним проблему неадекватности сбора статистической информации на конкретном примере. Федеральная программа сбора данных о преступлениях на почве ненависти надстраивается над местными формами уголовного законодательства, поскольку судебная квалификация преступлений на региональном уровне зависит от нормативных правовых актов, принятых в конкретном штате. Итак, чтобы данные об экстремистском инциденте попали в федеральную программу сбора информации и в целом стали доступны ФБР для аналитической обработки, этот инцидент должен быть изначально квалифицирован на местном уровне как основанный на предубеждении (*bias motivated*). Однако здесь возникает вопрос, как быть, если уголовное законодательство штата не рассматривает преступления на почве ненависти в качестве отдельной категории правонарушений, не имея в своем уголовно-правовом уставе ни одной нормы, охватывающей преступления данного вида? Например, штат Вайоминг «не признает, что преступления на почве ненависти имеют какое-либо особо опасное воздействие на общество, по сравнению с другими преступлениями»¹. Как следствие, Вайоминг «не имеет правового устава против преступлений на почве ненависти»². Таким образом, говорит ли отсутствие в общем отчете Программы по единой отчетности по преступлениям адекватных сведений, например, в отношении потерпевших по гендерному признаку в штате Вайоминг, об отсутствии проблемы преступлений на почве ненависти на данной территории? Или же, скорее, речь идет о неспособности правовой системы организовать сбор достоверной информации по указанной проблеме?

В общем, мозаичность американского антиэкстремистского уголовного законодательства выражается в том, что не все штаты признают одинаковые категории предубеждения (*bias*). Некоторые штаты в своем правовом подходе к преступлениям на почве ненависти не включают в список защищенных социальных групп потерпевших, выбранных преступниками по половому признаку. Другие, например, не включают признак сексуальной ориента-

¹ URL: <http://www.theguardian.com/world/2013/oct/10> (дата обращения: 11.10.2014).

² Shively M. Op. cit. – P. 3.

ции, в то время как иные включают такие экзотические социальные группы, как информаторов¹.

«В настоящее время, однако, только 30 штатов и округ Колумбия включают признак сексуальной ориентации в уголовные нормы, затрагивающие преступления на почве ненависти; только 26 штатов и округ Колумбия защищают социальные группы по гендерным признакам; только 30 штатов и округ Колумбия включают правовую защиту для инвалидов, ставших объектом преступного посягательства на почве ненависти»².

Продолжая анализ трудностей зарубежного опыта правового противодействия преступлениям на почве ненависти, следует отметить, что в ряде штатов США имеются расхождения между данными о преступлениях на почве ненависти, отраженными в ФБР по Программе единой отчетности по преступлениям, и локальными данными по этим же штатам, отраженными в статистике регионального уровня. «Основными причинами этих расхождений являются существенные различия в дефинициях и нормах антиэкстремистского уголовного законодательства между федеральными и региональными правовыми системами... это пестрое разнообразие в определениях и процессуальных подходах к толкованию преступлений на почве ненависти затрудняет получение общей когерентной национальной картины указанной проблемы»³.

Итак, причиной дезориентации правоохранительных органов в деле расследования преступлений на почве ненависти и реагирования на них становится некорректно собранная информация. Как отмечают авторы «Энциклопедии криминологии и уголовного судопроизводства» (*Encyclopaedia of Criminology and Criminal Justice*), в США «лишь только немногие департаменты полиции эффективны в идентификации и расследовании преступлений на почве ненависти. Более того, из реального числа преступлений на почве ненависти и экстремизма лишь очень немногие признаются таковыми. Например, в 2005 году только 16% учреждений сообщили о преступлениях на почве ненависти;

¹ Shively M. Op. cit. – P. 3.

² *Confronting the New Faces of Hate: Hate Crimes in America*. – 2009. – P. 13

³ Ibid.

большинство департаментов полиции Юга США не предоставили информации о подобных преступлениях за отчетный год»¹.

Проблемы дисбаланса и отсутствия объективности в сборе информации по преступлениям на почве ненависти и экстремизма, однако, свойственны не только американской правовой системе. Если рассматривать указанную проблему в более широких масштабах, есть смысл обратиться к данным, полученным сотрудниками Бюро по демократическим институтам и правам человека при ОБСЕ, которые отмечают, что понимание масштаба преступлений на почве ненависти «в полной мере по-прежнему невозможно из-за отсутствия адекватной системы сбора и предоставления информации... из данных, собранных Бюро по демократическим институтам и правам человека, видно, что значительные пробелы в сборе информации остаются главным препятствием к пониманию распространенности и характера преступлений на почве ненависти в государствах – участниках ОБСЕ. В ряде государств вообще не собирается статистика по преступлениям на почве ненависти и экстремизма. Некоторые государства-участники имеют свои системы сбора информации, но не публикуют полученные данные»².

Неполнота сведений по преступлениям на почве ненависти, как отмечают сотрудники Бюро, продолжает оставаться серьезной проблемой во всех государствах – участниках ОБСЕ. Причинами этой проблемы являются следующие факторы:

жертвы и члены их общин часто не сообщают о преступлениях по ряду причин, в том числе из-за страха перед полицией и отсутствия доверия к ней (они не верят, что власти отнесутся к их показаниям серьезно);

жертвы могут быть не способны самостоятельно распознать совершенное против них деяние как преступление на почве ненависти (это объясняется отсутствием информации по базовым параметрам либо незнанием того, что преступление с мотивом ненависти является более серьезным, чем то же преступление без такого мотива);

¹ Bruinsma G., Weisburd D. *Encyclopaedia of Criminology and Criminal Justice*. – NY., 2014. – P. 2040.

² *Hate Crimes in the OSCE Region: Incidents and Responses*. – P. 7.

неполнота сведений искажает статистику, создавая ложное впечатление, что преступления на почве ненависти являются менее распространенными, чем это есть на самом деле;

даже если имеет место сообщение о преступлении на почве ненависти, полиция или другие правоохранительные органы могут не иметь системы отчетности, чтобы предоставить эту информацию¹.

Таким образом, данные о преступлениях, собранные в 36 странах подразделениями ОБСЕ, при всей их значимости зачастую представляют собой хаотичную массу сведений, не отражающих реальное положение дел, а, скорее, наоборот, имеющих дезориентирующий характер. Так, пропорция между большим числом зарегистрированных преступлений в одной стране и маленьким – в другой – в действительности может означать прямо противоположное, поскольку процесс сбора информации зависит от того, насколько широки уголовные дефиниции и как работает система мониторинга и превентивных мер. «Эта проблема, конечно, усугубляется в контексте ЕС, где страны имеют различные законодательные акты, охватывающие широкий спектр различных преступлений и охраняемых категорий социальных групп»².

Указанная проблема усугубляется тем, что, согласно докладу ОБСЕ, адекватную информацию о преступлениях на почве ненависти и экстремизма представляет меньшинство стран, сотрудничающих с ОБСЕ. «В то время как все большее число правительств включают данные по преступлениям экстремизма в системы мониторинга и отчетности, они все еще составляют значительное меньшинство. Около 40 стран (среди 56 стран Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе) не собирают и не представляют информацию о насильственных преступлениях на почве ненависти любого рода либо делают это в крайне ограниченном объеме»³.

Другая проблема правового противодействия преступлениям на почве ненависти и экстремизма – слишком узкое определение защищенных социальных групп и мотивационных параметров по данным преступлениям. Например, могут учитываться

¹ Hate Crimes in the OSCE Region: Incidents and Responses. – P. 7.

² Отчеты Управления по безопасности и сотрудничеству в Европе (OSCE 2009).

³ Confronting the New Faces of Hate: Hate Crimes in America. – P. 23.

только признаки религии, национальности, пола, сексуальной ориентации или инвалидности. Анализируя ключевые нормативные акты США, посвященные предотвращению преступлений на почве ненависти, можно отметить их существенную ограниченность. Например, относительно ст. 249 Федерального закона США (US Federal Code) 2013 г., можно отметить, что «неполнота федерального законодательства США отчетливо видна в пункте S(B) (1), особенно в связи с чрезвычайно узким определением защищенных групп и перечисленных преступлений. В законе указывается только пять оснований для мотивации и восемь преступлений, при этом многие социальные группы остаются незащищенными, поскольку остальные уголовные преступления, основанные на предубеждении, и административные правонарушения остаются без правового внимания. Так, например, потерпевшие по причине ненависти на основе гендерных характеристик или политической ориентации не могут быть защищены этим законом»¹.

Действительно, возникает вопрос, почему этнический признак включен в перечень защищенных Федеральным законом США, а *гражданский*, например иммиграционный, – нет? Как известно, дискуссии о включении признаков половой идентичности, иммиграционного статуса и *внешности* шесть раз возникали на заседаниях профильных комитетов, но ни разу дело не дошло до Сената и голосования. Так, в штате Нью-Йорк ряд инициативных групп предложили ввести Закон «*О недискриминации на основании гендерного самовыражения*» (New York's Gender Expression Non-Discrimination Act, GENDA)². В дополнение к идее включения гендерной идентичности в число защищенных категорий разрабатывается проект включения иммиграционного статуса и внешности потерпевшего в число признаков, находящихся под протекторатом закона»³.

Парадоксальным образом законодательство в США, направленное на предотвращение дискриминации и преступлений на почве ненависти и экстремизма, было встречено рядом юристов

¹ Ingram K. Fear and Hatred: An Analysis of Hate Crime Arguments. – Washington, 2009. – P. 8.

² S 195/A 4226.

³ New York's Hate Crimes Law: An Assessment. – P. 5–6.

как *дискриминационное* по своей сути. Предполагаемая превентивная, «символическая функция», свойственная инициативе по усугублению наказания за преступления на почве предубеждения, теряет свой смысл, «когда целый ряд социальных групп произвольно включаются или исключаются из нормативных правовых актов, направленных на предотвращение преступлений на почве ненависти. Включая одни конкретные группы в качестве защищенных, уголовное законодательство по сути дискриминирует те группы, которые исключены»¹.

Основной оппонент антиэкстремистского лобби в США – сторонники принципа «равного права», согласно которому для эффективной работы против преступлений на почве ненависти нужны не новые законы, а хорошо работающая правоохранительная система. «Намного проще и эффективнее противодействовать преступлениям на почве ненависти с помощью обычного уголовного права, но при условии, что преступления будут адекватно расследоваться соответствующими органами»².

Сторонники специального законодательства, направленного на предотвращение преступлений на почве ненависти, как правило, исходят из позиции, что подобные преступления, попирая основные права граждан, имеют *более тяжелые* последствия для общества в целом, чем «обычные» уголовные преступления. Такой подход, в частности, сформирован в докладе «Судебное преследование преступлений на почве ненависти: практическое руководство» (Prosecuting Hate Crimes: A Practical Guide)³. «Принцип равноправия является основным принципом в любом демократическом государстве и, как правило, закреплен в конституции. Преступления на почве ненависти связаны с причинением крайних форм ущерба, поскольку потерпевший подвергается нападению по причине своей принадлежности к группе»⁴. В докладе также указывается: «Для злоумышленника любой из членов группы потерпевшего является взаимозаменяемым. Таким образом, преступления на почве ненависти связаны с отрицанием человеческого достоинства и индивидуальности жертвы, с отрица-

¹ New York's Hate Crimes Law: An Assessment. – P. 5–6.

² Ibid.

³ Prosecuting Hate Crimes: A Practical Guide.

⁴ Ibid. – P. 15.

нием права каждого человека на равную защиту закона»¹. Эта точка зрения является доминирующей в современном правовом поле противодействия преступлениям на почве ненависти.

Рассматривая специфику репрезентативности потерпевшего для преступника по преступлениям на почве ненависти, на наш взгляд, следует отметить, что данный признак не является исключительным, поскольку и по другим преступлениям, не связанным с ненавистью и экстремизмом, можно сделать вышеуказанный вывод. Так, при ограблении или изнасиловании жертва, как правило, выступает не столько в своей индивидуальности, сколько как средство достижения определенной преступной цели, следовательно, на месте жертвы преступления может оказаться любой человек, поскольку не жертва конституирует преступление, а *цель* преступника.

Для понимания специфики правового противодействия преступлениям на почве ненависти, как правило, этот вид деяний выделяют из общего числа уголовных преступлений в особую группу, поскольку «взаимодействие между преступником и жертвой выходит за пределы непосредственных участников инцидента, распространяясь на отношения между различными общинами, к которым они принадлежат. Ущерб от преступлений на почве ненависти и экстремизма выходит далеко за рамки физических или финансовых убытков, причиненных непосредственно потерпевшему... ущерб проникает в сообщество, провоцируя страх, враждебность и подозрительность. Следовательно, цель, например, этнического насилия, не только в том, чтобы подчинить жертву, но и в том, чтобы подчинить все ее сообщество, запугать людей, которые относятся к той или иной социальной группе на основе религии, расы, пола, сексуальной ориентации»².

Ключевым фактором для понимания специфики преступлений на почве предубеждения и ненависти является их символический, «*месседжевый*» характер. Чтобы отличить преступление на почве ненависти от преступлений, не основанных на предубеждении и враждебной мотивации, зарубежные юристы, как правило, используют подход, сформулированный еще в 1990-х гг.

¹ Prosecuting Hate Crimes: A Practical Guide. – P. 15.

² Perry B. Where Do We Go From Here? Researching Hate Crime // Internet Journal of Criminology. – 2003. – P. 10.

Р. Берком, Э. Бойдом и К. Хамнером¹, которые предложили дифференцировать преступления не только по степени тяжести, связанной с непосредственным ущербом для потерпевших, но также по степени *символизации* ущерба и *инструментальности* мотивации преступника. «Отправной точкой может быть различие между *символическими* и *актуарными* преступлениями, а также между *выразительными* (*expressive*) и *инструментальными* типами мотивов. Символические преступления напрямую направлены на принадлежность жертвы к группе и зависят от того, как преступник воспринимает группу; актуарные преступления... используют статус жертвы как маркер ее практической ценности в качестве жертвы. Выразительные мотивы характеризуются желанием отправить сообщение жертве и ее общине, в то время как инструментальные мотивы нацелены на поиск объективных, зачастую материальных ценностей, например, денег»².

Таким образом, выделяются следующие виды преступлений:

1. Символические преступления, основанные на случайности конкретной жертвы, которая избрана только для передачи сообщения, знака. Символические преступления задевают выразительные мотивационные признаки, основанные на потребности трансляции преступного (статусного) сообщения, как правило, выражающиеся в посягательстве (или угрозе такового) на права социальной группы жертвы. Посягательство преступника на жертву транзитивно.

2. Актуарные преступления, при которых жертва в ее конкретике и обстоятельствах задевается в мотивационной части преступления. В этом случае речь идет об инструментальном мотиве преступного деяния, связанного с *нетранзитивным* посягательством на жертву.

Именно «символичность» ущерба при преступлениях на почве ненависти делает их более тяжкими, поскольку область ущерба распространяется на всю социальную группу потерпевшего. Потерпевший как таковой здесь оказывается вторичной фигурой. Реальным потерпевшим, т. е. объектом посягательства преступного деяния, становится вся социальная группа жертвы.

¹ См.: Berk R., Boyd E., Hamner K. Thinking More Clearly About Hate-Motivated Crimes. – Newbury Park, California, 1992.

² Perry B. Op. cit. – P. 10.

Преступления на основе ненависти и экстремизма – это, как правило, *преступления идентификаций*, в которых участвуют представители социальных групп.

Таким образом, одним из аргументов в пользу отдельного уголовного закона о преступлениях на почве ненависти в зарубежных правовых дискуссиях выступает то, что «ущерб, причиненный преступлениями на почве ненависти, существеннее, нежели ущерб, причиненный другими видами преступлений. По этой причине преступления на почве ненависти являются более опасными для всего общества, нападение на одного члена целевой группы влияет на всех членов этой группы»¹.

Противники ведения в уголовное законодательство отдельных статей, защищающих те или иные социальные группы, считают, что, вводя новые нормы против преступлений на почве ненависти, законодатели несправедливо *наказывают за убеждения*, которые, согласно конституционным нормам, должны быть выведены за рамки уголовно наказуемого. Однако, как полагает один из адептов законодательного противодействия экстремизму Д. Адамс, для обычной квалификации преступлений постоянно используются убеждения и мотивы преступника. Мотивации учитываются в обычных судебных процессах, используются для определения намерений, которые, в свою очередь, влияют на исход судебного процесса или вынесения приговора².

Концепции, основанные на необходимости внедрения в уголовное право дополнительных законодательных актов, направленных против преступлений на почве ненависти, зачастую используют следующие доводы³.

1. Стандартные методы уголовного законодательства, не включающие статей по преступлениям на основе предубеждения, квалифицируют экстремистские преступления по общим принципам уголовно-процессуальной системы. Как следствие, преступные деяния, основанные на ненависти, не получают дополнительных санкций в виде ужесточения наказания, что позволяет преступникам прибегать к ним снова.

¹ Ingram K. Op. cit. – P. 3.

² См.: Adams D.M. Punishing Hate and Achieving Equality // Criminal Justice Ethics. – 2005. – № 24 (1). – PP. 19–30.

³ См.: Ingram K. Op. cit. – P. 8.

2. Предубеждение, основанное на вражде и ненависти, связано с более тяжелой формой мотивации, предопределяющей преступное деяние, чем, например, алчность и садизм¹.

Убийство потерпевшего только из-за денежной выгоды является менее тяжелым, нежели убийство на основе этнического или религиозного признака, и, как следствие, деяние с мотивацией вражды подлежит более суровому наказанию². В целом преступления на почве ненависти и предубеждения совершаются с «большой жестокостью в связи с их целенаправленной ненавистью к потерпевшему»³. Преступления на почве ненависти в большей мере способствуют дегуманизации, чем «обычные» преступления. Как следствие, первые должны наказываться более строго»⁴.

Итак, систематизировав данные аргументы, можно отметить следующее.

1. Принося большой ущерб, преступления на почве ненависти в целом являются классом преступлений, наиболее дестабилизирующим для общества⁵.

2. Члены социальных групп, ставшие объектом экстремистского посягательства, оказываются в длительной психотравмирующей ситуации, поскольку преступники выбирают их не из-за деятельности или убеждений, но из-за личностных характеристик (национальность, пол, религия, инвалидность), которые, как правило, не подлежат изменению⁶.

3. Преступления, основанные на предубеждении, неизбежно провоцируют ответные действия со стороны групп потерпевших, подстрекают к общественным беспорядкам⁷.

4. Поскольку сами преступные деяния, основанные на ненависти и экстремизме, являются «месседжевыми», посылающими сигнал всей социальной группе потерпевших, то и законы против

¹ Wellman C.H. A Defence of Stiffer Penalties for Hate Crimes // *Hyapatia*. – 2006. – № 21 (2). – PP. 62–80.

² Ibid.

³ См.: Adams D.M. *Op. cit.*

⁴ Ibid.

⁵ См.: Wellman C.H. *Op. cit.*

⁶ См.: Baehr A.R. A Feminist Liberal Approach to Hate Crime Legislation // *Journal of Social Psychology*. – 2003. – № 34 (1). – PP. 134–152.

⁷ См.: Kahan D.M. Two Liberal Fallacies in the Hate Crimes Debate // *Law and Philosophy*. – 2001. – № 20 (2). – PP. 175–193.

таких преступлений должны иметь символический, ориентирующе-превентивный характер, информируя потенциальных преступников о возможном усилении наказания за совершенные деяния, демонстрируя, что для общественной безопасности «такие преступления являются неприемлемыми»¹. Подобные законы выполняют символическую цель, утверждая, что негативное предубеждение, предрассудки и дискриминация в отношении определенных групп неприемлемы².

Доводы против разработки специальных нормативных правовых актов, направленных против преступлений на почве ненависти, также имеют свои концептуальные задачи. Противники уголовного законодательства о преступлениях на почве ненависти не считают, что данный вид преступлений является более опасным для общества, чем другие виды уголовных преступлений. Аргументы подобного рода можно систематизировать следующим образом.

1. Невозможно предоставить доказательства большей социальной опасности одной мотивации (например, этнической вражды) по сравнению с другой (скажем, социально-классовой неприязни). Например, как доказать, что нападение на жертву по причине ее этнической принадлежности потенциально опаснее для общества, нежели нападение по причине ненависти к богатым (или бедным). В действительности преступления на почве ненависти уже запрещены обычным уголовным правом, и отягчающие факторы, такие как мотивация и намерение преступника, уже приняты во внимание во время вынесения приговора³.

2. Преступления на почве ненависти не являются более дестабилизирующими для общества, чем другие виды преступлений. Преступления, совершенные в составе вооруженных бандформирований, разбойные нападения, насилие, не характеризующиеся расовой или религиозной ненавистью, не менее деструктивны для общества.

3. Законы, специально направленные против преступлений на почве ненависти, в действительности наказывают за мысли и

¹ См.: Wellman C.H. Op. cit.

² См.: Adams D.M. Op. cit.

³ См.: Jacobs J.B., Potter K.A. Hate Crimes: A Critical Perspective // Crime and Justice. – 1997. – № 22. – PP. 1–50.

убеждения¹. Например: «Билл нападает на Фреда из-за ревности к жене, в то время как Кайл нападает на Карла, потому что имеет предубеждение против гомосексуалистов. Оба потерпевших в результате инцидентов одинаково ранены, однако Билл получает минимальное наказание за простое нападение, в то время как Кайл получает гораздо более суровое наказание за нападение на почве ненависти»².

4. Законы против преступлений на почве ненависти несправедливо выделяют определенные черты характера в качестве заслуживающих повышенного наказания³. Довод заключается в том, что формы ненависти и предубеждения представляют собой специфические *черты характера*, наподобие жадности, ревности, садизма или трусости, которые зачастую устранить крайне сложно. Таким образом, почему правовая система за расизм дает повышенное наказание, а за алчность, приводящую к ограблению, – обычное?

5. Невозможно однозначно точно ранжировать мотивы по степени тяжести. Мотивации имеют ситуативный характер, что затрудняет оценку объективной иерархии мотивации⁴. В целом такие произвольные формы законодательного закрепления повышенной опасности для одних групп мотиваций подрывают доверие к законодательству.

Указанные доводы можно отнести к числу традиционных, задействованных в сфере зарубежных социально-правовых дискуссий по вопросу правового противодействия преступлениям на почве ненависти и экстремизма. Однако в силу особой взаимосвязи между нормативными правовыми актами, принимаемыми высшими органами власти, и политической сферой общества, формирующей эти органы власти, возник вопрос о *политических* предпосылках законодательной политики противодействия экстремизму. *Политизация* законодательства против преступлений на почве ненависти выражается в том, что в перечень защищенных включаются только те социальные группы, чье *политическое*

¹ См.: Baehr A.R. Op. cit.

² Ingram K. Op. cit.

³ Hurd H.M. Why Liberals Should Hate Crime Legislation // Law and Philosophy. – 2001. – № 20 (2). – PP. 215–232.

⁴ Ibid.

лобби имеет четко выраженные связи с политическим истеблишментом. «Еще один аргумент против закона о преступлениях на почве ненависти выражает обеспокоенность в связи с политизацией правовой системы»¹.

Указанные контраргументы против антиэкстремистского законодательства можно обобщить следующим образом.

1. Социальные группы, подлежащие нормативной протекции со стороны закона, будут включены в список только в том случае, если будут поддержаны корпоративными политическими силами, лоббирующими их интересы². Некоторые социальные группы включены в квалифицирующие признаки в антиэкстремистских законах, в то время как другие группы остаются вне законодательной защиты вообще, так как существующие правовые нормы не квалифицируют данные группы в качестве жертв по преступлениям на почве ненависти и экстремизма³.

2. Групповые интересы играют наибольшую роль в определении политики преступлений на почве ненависти⁴. Очевидным решением было бы запретить преступления, совершенные на основе всех потенциальных мотивирующих характеристик жертвы, но это решение приведет к удвоению обычного уголовного права⁵.

3. Законодательное закрепление особых уголовных законов, выделяющих специфические социальные группы, приводит к интенсификации и обострению политики идентичности (*identity politics*). Если нынешняя правовая система и дальше будет усиливать сегрегацию, защищая отдельные группы, то противостояние между членами конкурирующих групп, основанных на конкретных идентификационных характеристиках, будет усиливаться. Социальные группы, признающиеся в качестве наиболее частых жертв преступлений, приобретают «большие моральные претензии по отношению к обществу»⁶. Обостренная дискуссия о том,

¹ Ingram K. Op. cit.

² См.: Jenness V. *Managing Differences and Making Legislation: Social Movements and the Racialization, Sexualisation, and Gendering of Federal Hate Crime Law in the U.S., 1985–1998* // *Social Problems*. – 1999. – № 46 (4). – PP. 548–571.

³ McPhail B.A. *Hating Hate: Policy Implications of Hate Crime Legislation* // *The Social Service Review*. – 2000. – № 74 (4). – PP. 635–653.

⁴ См.: Jacobs J.B., Potter K.A. Op. cit.

⁵ McPhail B.A. Op. cit.

⁶ Ibid.

какие именно группы включать в число защищенных от преступлений на почве ненависти, привела к мобилизации и поляризации социальных групп¹.

Оппоненты введения отдельных уголовных законов против преступлений на почве ненависти напрямую упрекают сторонников этой теории в желании использовать государственные ресурсы в своих собственных интересах: «Если политические спонсоры законов против преступлений на почве ненависти действительно полагают, что эти преступления несут «больше вреда» для общества, – не является ли это неправомерным желанием использовать государственную власть для утверждения собственных интересов?»². Они считают, что «данное законодательство усугубляет существующую социальную дифференциацию, внося разногласия, предоставляя защиту только политически выбранным группам»³.

Аргумент в пользу того, что преступления на почве ненависти приносят больший ущерб, чем другие виды преступлений, как правило, основывается на том, что данные преступления причиняют жертвам не только *непосредственный* ущерб, связанный с предметом посягательства, но и содержат тяжелый психотравмирующий эффект, имеющий *радиальный характер*, так как он распространяется по всему кругу членов социальной группы потерпевшего, унижая достоинство и дегуманизируя целые классы лиц. Так, при нападении экстремистов на члена еврейской синагоги все участники этой группы становятся потерпевшими, чувствуя себя уязвимыми и незащищенными от последующих нападений, даже если они не были непосредственными потерпевшими.

Однако оппоненты такой аргументации парируют: «Это то же самое, что говорить: если дом ограблен, то домовладельцы, находящиеся поблизости, могут чувствовать себя более уязвимыми перед грабежом»⁴.

Другим аргументом, определяющим правовую политику в отношении преступлений на почве ненависти, является ссылка на

¹ Jacobs J.B., Potter K.A. Op. cit.

² Kahan D.M. Two Liberal Fallacies in the Hate Crimes Debate // Law and Philosophy. – 2001. – № 20. – P. 176.

³ Ingram K. Op. cit. – P. 7.

⁴ Ibid.

то, что потребность в усилении законодательной защиты тех или иных меньшинств часто связана с наиболее частой исторической дискриминацией этих групп по причине их повышенной уязвимости. Однако контраргумент здесь также возможен: «Преступники, мотивированные жадностью, скорее всего, выберут жертву из социальной группы состоятельных людей, а лица, мотивированные садистическими наклонностями, вероятнее всего, выберут в качестве жертв наиболее уязвимых перед унижением»¹. Следует ли из этого, что закон должен защищать социальную группу «обеспеченных людей» от посягательств на их имущество из-за того, что исторически именно состоятельные люди были весьма частой жертвой преступлений против собственности? «Сторонники закона о преступлениях на почве ненависти пытаются доказать, что члены групп меньшинств, защищаемых законом, должны быть оценены выше, чем члены других групп»². В действительности, чрезвычайно трудно построить однозначную теорию, которая объясняла бы иерархию степени тяжести мотиваций преступлений, например, устанавливая, чем ненависть к религиозным меньшинствам «тяжелее» садизма или предубеждения против определенной профессии, социального статуса или внешности.

В свете вышеизложенного возникает вопрос относительно *объективных* критериев оценки степени тяжести мотиваций преступника. В зарубежной юриспруденции, как правило, используется *бинарный принцип* квалификации преступлений, основанный на том, что деяние признается преступным (противоправным), если оно совмещает в себе следующее:

mens rea – преступный мотив (*guilty mind*), намерение, мысль, склонность, предубеждение;

actus reus – преступное деяние (*guilty act*), связанное с ущербом, посягающее на права и законные интересы лиц.

В классической юриспруденции для квалификации деяния, безусловно, необходимо выявление не только объективных аспектов, связанных с ущербом для потерпевших, цинизмом, особым способом осуществления преступления, но и субъективных,

¹ Ingram K. Op. cit. – P. 7.

² Ibid.

мотивационных компонентов, предопределяющих само деяние. В связи с этим, на первый взгляд, следует признать правоту Д. Адамса, поскольку без *mens rea* никакая объективная юридическая квалификация деяния невозможна. Однако противники законов против ненависти и предубеждения говорят о другом. Почему, анализируя *mens rea* преступления, мы полагаем, что одна мотивация (например, враждебность в отношении этнических или религиозных групп) *опаснее*, чем другая (например, алчность или ненависть к богатым)? «Почему расистское предубеждение (*bias*) более наказуемо, чем жадность? За расистский *mens rea* мы вводим дополнительное усиление наказания (*enhanced punishment*), за алчность – нет. Почему мы считаем, что расистская мотивация преступления не включается в наказание по стандартному подходу и требуем расширенного?»¹.

Другим критическим доводом против законов о преступлениях на почве ненависти можно считать *дефинитивную неопределенность* самого класса подобных преступлений, связываемых общим признаком ненависти. Как известно, понятие «преступление на почве ненависти» (*hate crime*) впервые появилось в конце 1980-х гг. и использовалось для правового понимания преимущественно расовых инцидентов. Хотя это понятие широко используется федеральным правительством Соединенных Штатов, средствами массовой информации и специалистами, оно «вводит в заблуждение, поскольку некорректно фиксирует только ненависть (*hatred*) как отличительную черту данного вида преступлений... Многие преступления, включающие сильнейшую ненависть между преступником и жертвой, вообще не входят в число преступлений на почве ненависти в том виде, в котором они понимаются в законе»².

Таким образом, в зарубежных правовых дискуссиях часто поднимается вопрос о том, что понятие «преступление на почве ненависти» порождает дилеммы и дефинитивные трудности. Признак ненависти и предубеждения не является отличительным для данного вида преступлений, поскольку все насильственные преступления в той или иной мере содержат презрение и ненависть к правам и жизни потерпевших со стороны преступников, и, наоборот, виновные в пре-

¹ Ingram K. Op. cit.

² The Encyclopaedia of Peace, Violence, and Conflict. – Austin, 2008. – P. 2..

ступлениях на почве ненависти не обязательно содержат этот признак в своей мотивации. Считается, что данное понятие, «изрядно упрощает суть дела»¹.

Рассматривая соотношение между воображаемыми признаками в сознании преступников в связи с понятием мотивации на почве ненависти, Линда Ли полагает, что «преступление на почве ненависти является социально обусловленным явлением. Ненависть – это очень неоднозначное понятие, которое означает разные вещи для разных людей... в Великобритании, например, преступления на почве ненависти определяются совершенно иначе, чем в Северной Америке. В Англии любое преступление может стать преступлением на почве ненависти, поскольку потерпевшие воспримут факт нападения как происшедший именно на этой почве, и любой преступник может быть признан виновным в совершении преступления на почве ненависти. Другими словами, любое преступление может оказаться преступлением на почве ненависти, что делает само это понятие тождественным с понятием преступления как такового»².

Двусмысленным, однако, оказывается не только само понятие «преступление на почве ненависти». Дефинитивные трудности возникают и при интерпретации ключевых квалификационных признаков, задействованных в определении защищенных социальных групп. Так, понятие «социальная группа, объединенная по расовому признаку» в современном зарубежном праве, как правило, лишено строго научного содержания, определяясь лишь интуитивно понятным набором неопределенных признаков: «Хотя термин *раса* не является точным, он остается распространенным в международных и национальных юридических текстах как общий термин, который охватывает такие понятия, как *этническая принадлежность, цвет кожи* и (или) *национальное происхождение, гражданство* и т. д.»³. Очевидно, что в данном случае мы имеем не столько строгое биологическое понятие расы, сколько юридический конструкт, эклектически объединяющий биологические признаки с признаками юрисдикции и социокультурных

¹ См.: Perry B. Op. cit.

² Lee L.L. Hating Hate Crime Legislation // Sociological Imagination. – Ontario, 2014. – Vol. 3. – Iss. 1. – P. 1.

³ Prosecuting Hate Crimes: A Practical Guide. – P. 30.

особенностей. Разработчики различных программ, методических руководств и учебных пособий по сбору данных о преступлениях на почве ненависти, желая уточнить дефиниции основных мотивационных признаков по указанным преступлениям, приводят следующее определение: «Предрассудки в отношении расовых признаков – это наличие отрицательного мнения или отношения к группе людей, которые обладают общими физическими характеристиками, например, цветом кожи, глаз, волос, чертами лица и т. д., генетически передаваемыми по наследству, отличающими их в контексте видового разделения человечества, например, на азиатов, негроидов, афроамериканцев или белых»¹.

Правовое противодействие преступлениям на почве ненависти – это не только адекватная следственная и судебная квалификация деяний или процессуальные компоненты доказательственной практики, это еще и система *превентивных мер*. В предыдущей главе были рассмотрены некоторые аспекты зарубежного опыта предотвращения указанных преступлений еще на ранних стадиях формирования мотиваций у лиц, потенциально склонных к противоправным действиям.

Итак, проведя анализ концептуальных трудностей зарубежного уголовного законодательства, направленного против преступлений на почве ненависти, отметим, что существует необходимость продолжения работы по дефинитивному уточнению содержания ключевых квалификационных признаков по преступлениям на почве ненависти, поскольку эффективность правового противодействия указанным преступлениям во многом основывается на семантической когерентности понятийного содержания нормативных правовых актов.

¹ Criminal Justice Information Services. Division Uniform Crime Reporting Program. Hate Crime Data Collection Guidelines and Training Manual. – Washington, 2015.

2.2. Проблемы судебной квалификации и доказывания преступлений на почве ненависти и экстремизма: зарубежный опыт

Судебная квалификация и доказывание по преступлениям на почве ненависти и экстремизма включает чрезвычайно широкий спектр проблем¹. В силу того, что указанный вид преступлений имеет существенное свойство, отраженное в мотивационной части деяния, практика судебной квалификации и доказывания по данным делам чаще всего сталкивается с трудностями из-за отсутствия четко выраженных объективных маркеров предубеждения. Это связано с тем, что предубеждение, ненависть и в целом склонность лиц к экстремизму – это сложные социальные феномены, формирующиеся в мировоззренческих, ценностных социокультурных системах.

Судебное доказывание мотива по преступлениям на почве ненависти и экстремизма является одной из сложнейших задач, стоящих перед судебной системой. Как отмечает генеральный прокурор штата Колорадо Д. Сазерс, доказывание мотива является очень трудоемким в судебной системе США, поэтому часто прокуроры не включают мотив преступления на почве ненависти в обвинение и проводят дела по обычным преступлениям типа хулиганства, грабежа и т. д. Д. Сазерс отмечает: «В США бремя доказывания в уголовном процессе является чрезвычайно сложной процедурой. Каждый элемент состава преступления, в том числе мотив вражды в случае преступления на почве ненависти, должен быть доказан присяжными до уровня отсутствия разумных сомнений. Я работаю прокурором уже 25 лет и знаю, что прокуроры в Соединенных Штатах являются очень практичными

¹ См. об анализе судебной квалификации преступлений и критериях обвинения: Ashworth A. *Sentencing and Criminal Justice*. – Cambridge, 2010; об общей теории дефинитивных предпосылок уголовного права: Halpin A. *Definition in the Criminal Law*. – Oxford, 2004; об уголовно-правовом толковании ущерба и судебного доказывания преступлений: Simester A., Smith A.T. *Harm and Culpability. Monographs on Criminal Law and Justice*. – Oxford, 1996; о проблеме уголовной ответственности по преступлениям, нарушающим международное право: Damgaard C. *Individual Criminal Responsibility for Core International Crimes*. – Heidelberg, 2008; об основных ошибках при расследованиях по уголовным делам: Rossmo D.K. *Criminal Investigative Failures*. – NY., 2008.

людьми. Насколько я понимаю, прокуроры в большинстве стран мира являются таковыми. И поэтому, если у нас есть очевидное доказательство того, что обвиняемый совершил нападение или уничтожил чужую собственность, и при этом нет столь же очевидных доказательств наличия мотива ненависти, то они не будут осложнять себе бремя доказывания и включать этот мотив в обвинительное заключение»¹.

Именно *мотивация*, а не ущерб или способ осуществления преступного деяния выполняет конститутивную роль при судебной квалификации преступлений на почве ненависти. Например, американский Закон «О противодействии преступности и беспорядкам» (The Crime and Disorder Act) определил мотивационные факторы «на почве ненависти» по отношению к таким преступлениям, как причинение ранения или нападение, причинение ущерба, нарушение общественного порядка и домогательство². «Существует общее положение в статье 145 (2) Закона «Об уголовном судопроизводстве» (Criminal Justice Act, 2003) о том, что, если преступление было совершено на расовой или религиозной почве, суд должен доказывать этот факт в качестве отягчающего фактора в открытом судебном заседании»³.

Другой проблемой судебной практики квалификации и доказывания по преступлениям на почве ненависти является юридическое определение мотива преступника в случае, если преступление было совершено на основании нескольких факторов. Ниже будут рассмотрены судебные противоречия и затруднения при квалификации по делам со смешанной виной, особенно, если один из компонентов мотива преступника был связан с предубеждением против тех или иных социальных групп. «Если тщательный анализ дела показывает присутствие нескольких возможных мотивов преступления и один из них более доказуем, чем мотивация на почве ненависти, то прокурор, скорее всего, также не будет выдвигать обвинение в таком преступлении»⁴.

¹ Сазерс Д. Американский подход к рассмотрению преступлений на почве ненависти и обеспечению свободы слова // Российское и зарубежное законодательство о преступлениях на почве расовой ненависти. Экспертиза, защита участников процесса: материалы семинара, 28 окт. 2011 г.: стенографич. отчет. – СПб., 2011. – С. 17.

² Ashworth A. Sentencing and Criminal Justice. – Cambridge, 2010. – P. 159.

³ Ibid.

⁴ Сазерс Д. Указ. соч. – С. 14.

Судебная квалификация преступлений на почве ненависти находится в сфере двух форм юрисдикции. Прежде всего, это региональное уголовное и уголовно-процессуальное законодательства, включающие основные дефиниции преступлений и критерии наказания. Процессуальные аспекты судебного доказывания, правила собирания, критерии относимости, допустимости и в целом оценки доказательств также определяются на региональном уровне. Однако федеральная судебная система, например в США, также имеет ряд положений уголовно-процессуального характера, которые зачастую не соответствуют местным формам законодательства. В связи с этим очень часто происходит так, что «федеральные рекомендации Верховного суда Соединенных Штатов становятся всего лишь рекомендациями, они необязательны к применению»¹. Таким образом, практика судебной квалификации и доказывания по преступлениям на почве ненависти и экстремизма имеет ряд затруднений.

Рассмотрим несколько процессов из зарубежной следственной и судебной практики, в которых возникали существенные трудности при квалификации данного вида преступлений.

Одним из весьма противоречивых случаев в США можно считать дело об убийстве трех мусульман в г. Чапел-Хилл (Северная Каролина). Как установлено следствием, 10 февраля 2015 г. 46-летний атеист, коллекционер оружия К. Хикс расстрелял тремя выстрелами в голову трех мусульманских студентов, соседей по кварталу. В ходе судебного разбирательства К. Хиксу было выдвинуто обвинение по трем пунктам в убийстве первой степени (first-degree murder).

Следствие установило, что до совершения преступного деяния К. Хикс на своей странице в социальных сетях заявлял об активной атеистической позиции. Его профиль включал логотип организации «Атеисты за равенство» (Atheists for Equality). В ряде сообщений на своей странице К. Хикс высказывал критические комментарии как по отношению к радикальным мусульманам, так и по отношению к радикальным христианам. В ходе юридической квалификации деяния К. Хикса возникли вопросы. В частности, достаточно ли того факта, что преступник критико-

¹ Сазерс Д. Указ. соч. – С. 14.

вал все религии до того, как стрелял в мусульман, для возбуждения дела по статье «преступление на основе ненависти»?¹ Принципиально ли то, что застреленные потерпевшие принадлежали к мусульманской религии? Как отделить социокультурную принадлежность К. Хикса к определенной форме мировоззрения с точки зрения ее последующего влияния на совершенное преступление?

В последовавшем от начальника полиции Чапел-Хилла заявлении утверждалось, что данное «преступление было мотивировано продолжающимся спором соседей о месте парковки. Хотя полиция не квалифицирует инцидент как преступление на почве ненависти, тем не менее, выражает особую озабоченность»².

Сложность толкования подобных преступлений в их мотивационной части заключается в том, что потерпевшие с целью отягощения участи преступника зачастую дают в суде показания не о простой ссоре или хулиганстве, имевших место в действительности, а о преступлении на основе ненависти. Такое поведение жертв криминальных инцидентов психологически понятно, однако судебная оценка обстоятельств дела должна избавляться от односторонности, стремясь к объективности.

По данному делу сторона потерпевших заявила о том, что преступление является основанным на религиозном предубеждении. «Семьи жертв до сих пор требуют расследования, утверждая, что данный инцидент мог быть преступлением на почве ненависти»³. Исполнительный директор Совета по американо-исламским отношениям Н. Авад опубликовал официальное заявление, призывающее полицию расследовать возможность того, что преступление имело мотивацию ненависти. Отец двух погибших девушек, доктор М. Абу-Салха заявил: «Мои дочери были убиты на почве ненависти, на это указывают все признаки и стиль исполнения преступления – наличие пули в голове каждого потерпевшего. Данный инци-

¹ URL: <http://www.townofchapelhill.org/Home/Components/News/News/8372> (дата обращения: 07.06.2015).

² Ibid.

³ URL: <http://www.washingtonpost.com/news/grade-point/wp/2015/02/11/two-north-carolina-universities-in-mourning-wednesday-after-chapel-hill-shooting/> (дата обращения: 07.06.2015).

дент не мог быть «спором о парковке», это было расчетливое преступление на почве ненависти, поскольку преступник выбрал мою дочь и ее мужа из-за предубеждения»¹.

Генеральный прокурор США Э. Холдер заявил, что адвокаты подали петицию в Министерство юстиции США о проведении дополнительного расследования для определения, был ли данный инцидент связан с преступлениями на почве ненависти. Для осуществления этой задачи были «задействованы все ресурсы департамента юстиции, чтобы обеспечить максимально эффективное расследование обстоятельств дела»².

В ходе общественного обсуждения этого преступления к 13 февраля 2015 г. более ста мусульманских организаций направили обращение в федеральные органы расследования, ссылаясь на то, что стрельба в Чапел-Хилле стоит «в одном ряду с ростом угрожающей и язвительной антимусульманской риторики»³.

Позднее, 16 февраля, К. Хикс был обвинен большим судебским жюри по трем пунктам в убийстве первой степени и одному пункту, связанному с незаконным хранением огнестрельного оружия. Суд не стал рассматривать данное преступление как мотивированное ненавистью и экстремистским предубеждением (напомним: Хикс обладал большим арсеналом оружия, был членом антирелигиозной группы и выступал с резкой критикой в адрес религиозных сообществ).

Инцидент в Чапел-Хилле вызвал большой международный резонанс, связанный с осуждением решения судебской коллегии: «Правительства и руководители ряда стран, таких как Ливан, Марокко, Палестина, Саудовская Аравия, выступили с обращением, рассматривающим стрельбу в Чапел-Хилле как акт *террористической атаки*. На дипломатическом уровне представители Ирана, Турции и Катара после официального оглашения судебного решения обвинили западный мир в двойных стандартах»⁴.

¹ URL: <http://www.wsj.com/articles/doj-scrutinizes-chapel-hill-killings-to-determine-if-hate-crime-1423875140> (дата обращения: 07.06.2015).

² Ibid.

³ URL: <http://www.buzzfeed.com/mikehayes/over-100-muslim-groups-call-for-federal-hate-crime> (дата обращения: 07.06.2015).

⁴ Ibid.

Итак, сложность указанного дела заключалась в квалификации мотивационных признаков преступления К. Хикса. С одной стороны, суд не нашел связи между мировоззрением преступника и его членством в антирелигиозной организации, с другой стороны, – с фактом того, что потерпевшими оказались представители религиозного сообщества. Именно это противоречие привело к скандальным антагонизмам в полемике как среди американской общественности, так и на международном уровне.

Экстремистская мотивация преступления, как и любая другая мотивация поступков, – это сложный комплекс, затрагивающий глубинные социальные феномены. Специфика этнической истории, религиозные или нерелигиозные формы мировоззрения, социокультурные традиции существенно влияют на ценности отдельных индивидов, предопределяя их поведение. Именно в ходе практики судебного доказывания мотиваций по преступлениям на почве ненависти и выявляются сложности в правовой демаркации внутри социальных феноменов – форм мировоззрения и предубеждений, которые могут приводить к противоправным действиям. Поскольку негативное предубеждение – это тоже форма мировоззрения, формирующаяся социально, в результате включенности индивида в те или иные группы и социализацию, то именно на уровне судебной квалификации преступлений появляется задача правовой оценки различных форм мировоззрения, что изрядно затрудняет дело, ввергая анализ коллегии в социально-философские дискуссии о природе ценностей, мнений, гуманизма и т. д.

Рассматривая практику судебной квалификации и доказывания по преступлениям на почве ненависти, есть смысл заметить, что если говорить о сложностях судебного преследования преступлений на почве ненависти, как отмечалось выше, то в ряде исследований указывается проблемность всего доказательного процесса в целом, поскольку, как правило, квалификация преступления на основе предубеждения вовлекает следователей и прокурорских работников в сферы, далеко выходящие за рамки непосредственных фактов, выявляемых в ходе расследований обстоятельств дела. Там, где преступник сам «обозначил» свое преступление как послание определенной социальной группе при помощи особой символики, прямых угроз, выявление экстре-

мистской мотивации, основанной на ненависти или предубеждении, не представляется проблематичным. Однако когда мотивационная составляющая деяния прямо не выводится из раскрытых обстоятельств дела, когда у суда одновременно имеются данные как о наличии, так и об отсутствии у преступника предубеждения в отношении потерпевшего, расследовать преступления на почве ненависти чрезвычайно трудно.

Типичным примером указанной «двойственности» может служить рассмотренный выше судебный процесс по делу К. Хикса. Как указывалось, трое потерпевших были мусульманами, активно соблюдавшими все традиционные предписания, в том числе связанные с внешним видом (ношение хиджабов и т. д.). Обвиняемый заявил (и в этом его поддержала полиция), что убийство совершено из-за спора о месте за парковку. Однако за несколько месяцев до убийства К. Хикс в социальных сетях на своей странице критиковал религиозные сообщества, отстаивая право активных атеистов на свободу отказа от веры¹. Критика «радикального ислама» и «радикального христианства» на странице обвиняемого сопровождалась сообщениями о его любви к коллекционированию оружия.

Теперь представим себе ситуацию: лицо, обладающее оружием, испытывающее негативный настрой в отношении религиозных сообществ, являющееся членом антирелигиозной группы, встречает на своей парковке автомобиль с тремя мусульманами, которые начинают спорить о «праве на парковочное место». Исход, как известно, трагичен: тройное убийство выстрелами в голову². Здесь возникает вопрос, озвученный родственниками потерпевших: должны ли мы принять к сведению «религиозную» составляющую для квалификации данного преступления, или же эта составляющая существенно «уводит от объективной оценки обстоятельств»? Как было указано выше, начальник полиции Чапел-Хилла в своем заявлении указал, что «преступление было мотивировано посто-

¹ URL: <http://www.nytimes.com/2015/03/04/us/chapel-hill-muslim-student-shootings-north-carolina.html> (дата обращения: 07.06.2015)

² Ibid.

янным спором соседей о парковке»¹. Это означает, что полиция не стала приобщать к делу факты критики религиозных сообществ со стороны обвиняемого, предшествующие преступлению. При этом сотрудник департамента уточнил, что «хотя полиция не относит этот инцидент к преступлениям на почве ненависти, тем не менее, выражает определенную озабоченность такой возможностью»². Эта «озабоченность», на наш взгляд, – прямое следствие двойственности, коллизионности данного дела, поскольку в условиях, когда нет четко разработанных правил собирания и оценки доказательств по преступлениям на почве ненависти, когда такие основные дефиниции, как «социальная группа», «вражда», «умысел», «ущерб» по данным преступлениям являются неопределенно-диффузными, когда нет четких маркеров экстремизма, позволяющих нейтрализовать вероятное преступление еще до его возникновения, следователям остается только догадываться об объективных обстоятельствах дел.

В рассмотренном нами ранее деле «Висконсин против Митчелла» (92-515, 508 U.S. 47, 1993) перед следователями и прокурорскими работниками также стояла дилемма: приобщать ли критические комментарии обвиняемого Митчелла, направленные «против белых», к комментариям, вызванным эмоциональной оценкой фильма Митчеллом? Как было отмечено, адвокаты подсудимого настаивали на том, что отношение Митчелла к событиям, показываемым в кино, – это его личное мнение, которое не может рассматриваться в качестве предубеждения (*bias*) или мотива для совершенного им впоследствии преступления.

Следует отметить, что для целого ряда современных сообществ, состоящих из чернокожих афроамериканцев, прошлое которых напрямую связано с насильственным рабством, принуждением и правовым нигилизмом в их адрес со стороны белых, ключевые компоненты их патриотического мировоззрения проникнуты *негативными формами предубеждения* по отношению к социальной группе белых людей. Эти формы предубеждения отражают объективные противоречия в развитии ряда социальных феноменов, являясь следствием глобальных конфликтов прошлого.

¹ URL: <http://www.townofchapelhill.org/Home/Components/News/News/8372/> (дата обращения: 07.06.2015).

² Ibid.

В связи с этим мировоззрение подсудимого Митчелла являлось типичным олицетворением групповых форм социальных ценностных идентификаций, свойственных афроамериканцам. Будучи частью своей социальной группы, Митчелл унаследовал тот идентификационный комплекс, который формировался столетиями. Таким образом, катализатором его делинквентного поведения стал просмотр трагического фильма, осмысляющего болезненные этапы истории выходцев из Африки.

Именно этот аспект, связанный с непростым развитием социальных отношений и, как следствие, форм мировоззрения, описывали адвокаты подсудимого, утверждая, что позиция Митчелла по отношению к событиям в фильме – это его личное убеждение, имеющее объективный характер, которое нельзя приобщать к делу в качестве доказательства преступного предубеждения (*criminal bias*) для совершенного им преступления.

Однако суд Висконсина постановил приобщить критические отзывы Митчелла к делу, тем самым признав обвиняемого виновным в избиении при отягчающих обстоятельствах (на расовой почве), согласно Уставу Висконсина 939.645 (ч. 1, п. «b»)¹. Верховный суд впоследствии отменил это решение, ссылаясь на Первую поправку Конституции США, согласно которой каждый имеет право на свободное выражение мнения, указав тем самым, что в доказательстве по делу Митчелла суд Висконсина не продемонстрировал необходимой связи между эмоциональными оценками, сделанными подозреваемым, и его делинквентным поведением. Впоследствии, однако, апелляция Висконсина в Верховном суде была поддержана, и суд подтвердил первоначальный приговор.

Таким образом, комментарии Митчелла, сделанные им при просмотре фильма, были приняты судом в качестве отягчающего обстоятельства, в то время как в инциденте в Чапел-Хилле антирелигиозные комментарии другого преступника – К. Хикса – судом к делу не были приобщены. Указанная двойственность в квалификации мотива по преступлениям на почве ненависти и экстремизма в зарубежном законодательстве связана, на наш взгляд, с общей неопределенностью используемых дефиниций и, как

¹ URL: <https://docs.legis.wisconsin.gov/statutes/statutes/939/IV/645> (дата обращения: 11.06.2015).

следствие, с коллизией. Например, в рассматривавшемся выше деле «Чаплинский против Нью-Гемпшира» (США 315 568, 1942)¹ главой 378 раздела 2 общественных законов Нью-Гемпшира запрещено «выражение насмешек» по отношению к людям, если оно «вызывает гнев, тревогу или обиду у других»², в то время как Первая поправка Конституции США дает право свободного выражения мнения, в том числе иронии и даже сарказма. Возникает вопрос: каковы объективные критерии состояния «тревоги или обиды», возникающего у потерпевшего в связи с выражением насмешек или оскорблений по отношению к нему? В ряде случаев обида у некоторых лиц может быть вызвана просто критической оценкой со стороны, иронией.

Содержание понятия «законное выражение свободного мнения», например в американском праве, не имеет однозначной трактовки, зачастую неправомерно пересекаясь с такими понятиями, как «преступный мотив» и «предубеждение». Фактически процессуальную неопределенность и дефинитивную размытость рассматриваемых норм показывает дело «Висконсин против Митчелла», в котором суды трех инстанций, отменяя решения друг друга, пытались дать ответ на вопрос о связи между «свободной оценкой и мнением» и «преступным мотивом», а также дело о тройном убийстве в Чапел-Хилле, когда начальник департамента полиции Крис Блю заявил о том, что это дело не относится к преступлениям на почве ненависти, но в то же время выразил озабоченность тем, что вероятность такого мотива у преступника имела³ и т. д.

Однако следственная и судебная практики по делам, связанным с преступлениями на почве ненависти, имеют и ряд других трудностей. Одной из проблем в данном вопросе выступает халатное отношение правоохранительных органов и местных судов к задаче всестороннего выяснения обстоятельств преступлений на почве ненависти и экстремизма.

¹ Chaplinsky v. State of New Hampshire 315 U.S. 568 (1942).

² URL: <https://docs.legis.wisconsin.gov/statutes/statutes/939/IV/645> (дата обращения: 25.06.2015).

³ URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/northamerica/usa/11405005/Chapel-Hill-shooting-Three-American-Muslims-killed.html> (дата обращения: 21.06.2015).

Так, в судебном разбирательстве «*Стойка против Румынии*» (Stoica v. Romania)¹ по факту жестокого обращения сотрудников полиции с 14-летним потерпевшим цыганской национальности, страдающим инвалидностью, Европейский Суд по правам человека признал следующее.

1. Местные военные прокуроры, расследовавшие это дело, основывали свои выводы на «заявлениях сотрудников полиции, у которых имелся мотив снятия с себя и своих коллег обвинений в виновности по данному делу»² через дезинформацию следствия.

2. Прокуратура отклонила все заявления жителей цыганской национальности, указывавших на явные признаки враждебного предубеждения со стороны сотрудников правоохранительных органов по отношению к потерпевшему.

Таким образом, рассматривая проблему внутриведомственной оценки сотрудников, уличенных в совершении преступлений на почве ненависти, в докладе «Судебное преследование преступлений на почве ненависти: практическое руководство» подчеркивается, что «следственные органы должны быть беспристрастными в своей оценке представленных доказательств... система уголовного правосудия должна быть в состоянии строго определить, выявить и соответствующим образом наказать преступление, мотивированное расистским предубеждением»³.

В судебном процессе «*Ангелова и Илиев против Болгарии*» (Angelova and Iliev v. Bulgaria)⁴ суд также рассмотрел негативную роль правоохранительных органов в попустительском и несвоевременном раскрытии преступления, основанного на враждебном предубеждении по этническому признаку. Жалобы заявителей содержали следующие пункты.

1. Власти не провели надлежащего расследования, способного привести к суду и осуждению лиц, ответственных за жестокое обращение и смерть их родственника.

¹ URL: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-85308> (дата обращения: 19.06.2015).

² Prosecuting Hate Crimes: A Practical Guide. – P. 41.

³ Ibid.

⁴ URL: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng-press/pages/search.aspx?i=003-2072690-2194631> (дата обращения: 18.06.2015).

2. Национальное уголовное законодательство не содержит конкретных положений или наказаний за расово мотивированные формы преступлений.

3. Чрезмерная продолжительность уголовного судопроизводства помешала заявителям требовать возмещения убытков.

Заявители ссылались на ст. 2 и 3 (запрещение бесчеловечного или унижающего достоинство обращения), ст. 13 (право на эффективное средство правовой защиты), ст. 14 и 6 (право на справедливое судебное разбирательство) Конвенции¹.

В ходе судебного разбирательства были установлены следующие факты:

«полиция выявила предполагаемых виновных в смерти потерпевшего, один из которых непосредственно признал расовую мотивацию к совершению преступления, тем не менее, полиция не предприняла необходимых следственных действий в пределах сроков исковой давности для уголовного преследования против большинства подозреваемых»²;

местные власти не смогли провести быстрое и эффективное расследование инцидента, «с учетом расовых мотивов нападения»³.

Таким образом, одним из ключевых параметров противодействия преступлениям на почве ненависти и экстремизма, согласно решению Европейского суда по правам человека, является оперативное реагирование следственных органов на сообщения о возможных инцидентах.

Так, в деле «*Сесич против Хорватии*» (Sesic v. Croatia)⁴ были выявлены факты бездействия и процессуальные нарушения со стороны сотрудников правоохранительных органов г. Загреба, расследовавших дело о расистском нападении на местного жителя. Рассмотрим детали более подробно, поскольку именно событийный ряд раскрывает особенность данного инцидента. 29 апреля 1999 г. потерпевший и еще несколько человек стали жертвами нападения экстремистской группировки. Преступники, выкрикивая расистские ло-

¹ URL: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng-press/pages/search.aspx?i=003-2072690-2194631> (дата обращения: 18.06.2015).

² Prosecuting Hate Crimes: A Practical Guide. – P. 50.

³ Ibid.

⁴ URL: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-80711> (дата обращения: 22.06.2015).

зунги, нанесли потерпевшим повреждения путем избияния специально подготовленными деревянными прутьями. Как установлено следствием, «двое неизвестных, по-видимому, члены той же группы, стояли рядом и следили за инцидентом»¹. Потерпевший был госпитализирован с многочисленными переломами ребер.

В тот же день адвокат заявителя направил письмо в департамент полиции г. Загреба, в котором сообщалось об инциденте и предоставлялась информация, необходимая для возбуждения уголовного дела. Адвокат потерпевшего повторил свой запрос 30 августа 1999 г. На следующий день, 31 августа 1999 г., из полицейского управления был получен ответ, в котором сообщалось, что виновные по данному делу выявлены не были. 2 сентября 1999 г. адвокат заявителя выслал обращение министру внутренних дел с целью информирования о данном инциденте и жалобой на то, что полиция не предпринимает никаких возможных мер для выявления подозреваемых по данному преступлению.

Судом установлено, что в январе 2000 г. адвокат потерпевшего дважды направлял в органы прокуратуры запросы на предмет отчета о результатах расследования. «10 февраля 2000 года прокуратура уведомила адвоката заявителя о том, что сотрудниками прокуратуры было направлено обращение в правоохранительные органы г. Загреба с целью ускорения расследования. 16 июня 2000 г. прокуратура направила адвокату потерпевшего уведомление о том, что попытки полиции выявить виновных в данном преступлении не принесли результата»². Однако, как установлено судом, 24 мая 2000 г. адвокат потерпевшего снова направил государственному прокурору запрос о том, что в репортаже хорватской телерадиовещательной компании от 14 мая 2000 г. прозвучало несколько заявлений от одного из скинхедов, предположительно участвовавших в нападении на потерпевшего. Член скинхед-группировки рассказывал «о причинах, побудивших его к участию в нападениях на представителей этнических меньшинств в Загребе. В частности, опрашиваемый сослался на инцидент от 29 апреля 1999 г. с участием потерпевшего»³.

¹ URL: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-80711> (дата обращения: 22.06.2015).

² Ibid.

³ Ibid.

Последующее развитие процесса расследования отражает крайне неэффективную систему работы правоохранительных органов г. Загреба в деле реагирования на преступления на почве ненависти и экстремизма. После получения информации об интервью одного из скинхедов на государственном канале прокуратура направила запрос в редакцию хорватской телерадиовещательной компании на предмет идентификации участников программы от 14 мая 2000 г. Впоследствии сотрудники правоохранительных органов установили личность журналиста, бравшего интервью у предполагаемого скинхеда, но «журналист не захотел раскрывать имя опрашиваемого, опираясь на свое право на защиту источника своей информации»¹. Однако сотрудник радиокomпании подтвердил, что скинхед в действительности говорил о негативных чувствах к некоторым этническим меньшинствам, особенно проживающим в той части города, где произошло рассматриваемое преступление.

Таким образом, полиция не получила никаких результатов по данному делу. Сотрудники правоохранительных органов узнали об интервью предполагаемого участника экстремистской группировки на радиостанции только из сообщения адвоката потерпевшего. Конституционный суд в ответ на жалобу о халатном проведении следственных действий со стороны правоохранительных органов и прокуратуры сообщил адвокату потерпевшего, что «не обладает компетенцией выносить решения по делам, связанным с бездействием прокурорских работников во время досудебной стадии производства по делу, и не принял никакого решения по жалобе»².

Выводом Европейского суда по правам человека было положение о том, что по данному делу правоохранительные органы не приняли всех необходимых мер для расследования преступления. Суд постановил выплатить заявителю денежные компенсации (6 и 8 тыс. евро) за нарушения со стороны государственных органов расследования. В частности, суд указал, что «государственные органы обязаны при расследовании насильственных

¹ URL: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-80711> (дата обращения: 22.06.2015).

² Ibid.

преступлений принимать все необходимые меры для разоблачения любых расистских мотивов правонарушений»¹.

Таким образом, безынициативная, нескоординированная работа следственных органов и органов прокуратуры не позволила объективно выявить обстоятельства дела с целью установления виновных по данному преступлению, несмотря на то, что целый ряд улик и доказательств был собран и предоставлен в следственные органы стороной защиты потерпевшего.

В деле «*Миланович против Сербии*» (Milanovic v. Serbia, 2010 г.)² судом были установлены факты недобросовестного расследования преступлений на почве антирелигиозного предубеждения. Как установлено следствием, «потерпевший, г-н Миланович, будучи членом религиозной общины, принадлежавшей к одному из направлений индуизма, с 2001 по 2007 г. перенес серию нападений, которые, как правило, начинались с угроз по телефону. Было установлено пять фактов физических нападений, в четырех из которых в отношении потерпевшего применялось холодное оружие. Все факты насильственных нападений на потерпевшего имели место до или после празднеств, отмечаемых Сербской православной церковью»³. Потерпевший опознал национал-экстремистскую группировку, члены которой совершали преступные нападения, и сообщил об этом в следственные органы.

При рассмотрении данного дела суд отметил, что полиция оказалась не в состоянии отнестись к показаниям потерпевшего со всей серьезностью, несмотря на частые жалобы религиозных меньшинств на притеснения во время национальных религиозных праздников. «Вместо этого полиция полагает, что потерпевший был выбран в качестве объекта нападения из-за «странной внешности» и что любые следственные действия по расследованию антирелигиозной мотивации преступников по данному случаю не являются оправданными»⁴.

По данному делу ЕСПЧ указал на обязанность должностных лиц, сотрудников правоохранительных органов расследовать ре-

¹ Prosecuting Hate Crimes: A Practical Guide. – P. 52.

² URL: <http://caselaw.echr.globe24h.com/0/0/serbia/2010/12/14/milanovic-v-serbia-668-44614-07.shtml> (дата обращения: 07.06.2015).

³ URL: <http://www.legislationline.org/documents/id/16627> (дата обращения: 22.06.2015).

⁴ Ibid.

лигиозно мотивированные преступления. Суд заявил, что, как и в случае преступлений на расовой почве, при расследовании насильственных инцидентов «государственные органы несут дополнительную обязанность по принятию всех имеющихся мер для установления возможного религиозного мотива деяния»¹.

Таким образом, суд выявил следующие недостатки в работе правоохранительных органов по рассматриваемому делу:

виновные по данному инциденту не были выявлены, несмотря на показания потерпевшего, идентифицировавшего членов организованной националистической группировки;

отношение сотрудников полиции к расследованию, по показаниям потерпевшего, имело халатный характер;

имея сведения о постоянных нападениях на представителей религиозных меньшинств во время религиозных мероприятий, органы правопорядка не произвели никаких профилактических мер для предотвращения беспорядков, тем самым не предоставив потерпевшему необходимой защиты;

следственные действия имели бессистемный и формальный характер, таким образом, государство не выполнило своих правовых обязательств перед потерпевшим².

Итак, рассмотрев несколько судебных решений, свидетельствующих о крайне низкой эффективности работы правоохранительных органов по противодействию преступлениям на почве ненависти и экстремизма, отметим, что существует необходимость в повышении результативности работы следственных органов, а также в дефинитивной и процессуальной детализации правового противодействия указанным преступлениям.

В докладе, разработанном Министерством внутренних дел Польши и посвященном дефинитивному анализу, судебному преследованию и доказыванию преступлений на почве ненависти и экстремизма «Судебное преследование преступлений на почве ненависти: практическое руководство» (Prosecuting Hate Crimes: A Practical Guide), указанные сложности рассматриваются в системе так называемых *маркеров предубеждения* (bias markers): «В случаях, когда мотивация предубеждения (bias) по тому или

¹ URL: <http://www.legislationline.org/documents/id/16627> (дата обращения: 22.06.2015).

² Ibid.

иному делу не столь очевидна, особое значение имеют особые показатели предубеждения, являющиеся отличным инструментом в определении того, является ли данное преступление преступлением на почве ненависти или нет... Наличие одного или нескольких из этих показателей свидетельствует о существовании преступления на почве ненависти и должно привести к более полному расследованию мотива... Данные маркеры обеспечивают объективные критерии, по которым можно различить вероятные мотивы того, что действия правонарушителя были определены именно предубеждением»¹.

Так, в указанном докладе приводится аналитика ключевых маркеров преступлений на почве ненависти для оперативного реагирования следственных органов. В частности, в нем перечисляются следующие обстоятельства, связанные с жертвой:

а) потерпевший непосредственно принадлежит к определенной социальной группе – меньшинству, объединенному, например, национальным, этническим, религиозным или гендерным признаком;

б) потерпевший имеет отношения с лицом, принадлежащим к меньшинствам².

Выше отмечалось, что понятие принадлежности лиц к социальным группам в зарубежных судебных процессах трактуется предельно широко – от физической включенности в этнические, религиозные, гендерные меньшинства до связи лица с членами социальных групп через брачные отношения, дружбу или социализацию как таковую. Понятие социализации в качестве основания для включения индивида в социальную группу крайне неопределенно, поскольку может трактоваться как любое *положительное* взаимодействие потерпевшего с данной группой. Выше было отмечено, что следователи в ходе изучения обстоятельств по делу зачастую устанавливают, что потерпевший при насильственном нападении на экстремистской почве может не принадлежать к социальной группе, предполагавшейся преступником. В этом случае данный «маркер предубеждения» имеет нулевую эффективность при собирании и оценке доказательств, и в дело вступа-

¹ Prosecuting Hate Crimes: A Practical Guide. – P. 46.

² Ibid. – P. 47.

ет анализ мотивационных признаков деяния преступника, т. е. того, как преступник воспринимал потерпевшего.

Существуют следующие параметры, свидетельствующие о возможном преступлении на почве ненависти и экстремизма:

обстоятельства, связанные с *целью* совершения преступления: в случае с собственностью, это функция собственности (например, место поклонения, кладбище или место сбора лиц определенной расовой группы, национальности или религии и т. д.);

обстоятельства, связанные с правонарушителем (членство в организованных группах, участие в других инцидентах ранее)¹;

поведение преступника как в ходе совершения преступления, так и до него (комментарии, жесты, письменные заявления); знаки, символы, граффити и рисунки, найденные на месте преступления (особенно имеющие расовую, этническую, религиозную или гендерную составляющие);

обстоятельства места и времени совершения преступления (совпадение инцидента с датами событий, имеющих значение для тех или иных групп).

Сложность доказывания по преступлениям на почве ненависти заключается в том, что большая часть из перечисленных «маркеров предубеждения» фактически относится к *косвенным уликам*. Как известно, косвенные улики имеют доказательную силу только по совокупности, т. е. лишь в составе *комплекса* данных. Указанная сложность, на наш взгляд, отражена и в рассматриваемом докладе. Хотя в пункте 3.4.3 доклада говорится о том, что «помимо прямых доказательств... может иметь место множество других косвенных факторов, которые свидетельствуют о мотивации предубеждения... косвенные доказательства слабее, чем прямые, однако совокупное воздействие косвенных доказательств в сочетании с прямыми доказательствами может быть убедительным»². Тем не менее, далее в тексте доклада описываются косвенные улики (circumstantial evidence), существенно совпадающие с перечнем «прямых» улик (direct evidence):

подозреваемый связан с организованными группами на почве предубеждения и ненависти;

¹ Prosecuting Hate Crimes: A Practical Guide. – P. 47.

² Ibid. – P. 61.

инцидент произошел в то время или в том месте, которые имеют большое значение для этнических, религиозных или иных сообществ;

инцидент произошел в то время или в том месте, которые имеют символический смысл для преступника (например, в день рождения А. Гитлера);

насильственное нападение имело особенно жестокий характер; преступление схоже по обстоятельствам с другими инцидентами, в отношении которых установлена их экстремистская составляющая¹.

Иллюстрацией того, как сочетаются прямые и косвенные доказательства по делам о преступлениях на почве ненависти, является рассматриваемое в докладе судебное дело от 19 апреля 2009 г. о преступлении в г. Виткове Чешской Республики, где злоумышленники забросали дом с находившимися в нем лицами цыганской национальности бутылками с зажигательной смесью, так называемыми коктейлями Молотова². Как установлено следствием, «в момент нападения несколько человек, включая детей, спали в доме. Жильцам удалось бежать, но родители получили серьезные ожоги, двухлетняя дочь получила 80% ожогов»³. Расследуя это дело, сотрудники правоохранительных органов вышли на свидетеля, который сообщил, что «в ночь нападения он подслушал, что знакомая женщина после разговора со своим сожителем упомянула в присутствии друзей о том, что ее знакомый «идет на цыган». Используя эту информацию, полиция определила подозреваемых, взяла ордер на проведение прослушивающих мероприятий, но свидетель впоследствии отказался давать показания, опасаясь мести»⁴. Все четверо подозреваемых были связаны с крайне правыми организациями (косвенный признак), при обысках их квартир были обнаружены неонацистские материалы (косвенный признак). В ходе судебного разбирательства прокурор утверждал, что «преступники совершили преступление в ознаменование предстоящего дня рождения Адольфа Гитлера»⁵

¹ Prosecuting Hate Crimes: A Practical Guide. – P. 61.

² URL: <http://romove.radio.cz/en/article/23320/limit#kw> (дата обращения: 22.06.2015).

³ Prosecuting Hate Crimes: A Practical Guide. – P. 61.

⁴ Ibid.

⁵ Ibid.

(косвенный признак). Были установлены следы изготовления взрывных устройств (прямой признак).

В ходе расследования трое из четырех подозреваемых заявили, что не располагали сведениями о наличии жильцов в доме, тем более не знали, что в доме проживают лица цыганской национальности. «Один из адвокатов заявил, что его клиент не был членом ультраправой группы (косвенный признак), и потребовал квалифицировать данное дело согласно статье УК Чехии «О причинении телесных повреждений и ущербе имуществу», вместо статьи «О покушении на убийство нескольких лиц, совершенном на расовой почве»¹. Примечательно, что со стороны защиты свидетельские показания были собраны также и у лиц цыганской национальности, которые утверждали, что подозреваемые были с ними в хороших отношениях и не испытывали к ним вражды (косвенный признак). Заявления адвоката одного из подозреваемых о непричастности его подопечного к праворадикальным группам фактически могло соответствовать действительности, поскольку участие лиц в таких группировках зачастую имеет неформализованный характер. Лицо может не входить ни в один из списков членов группы, не посещать собраний и мероприятий, но иметь ту или иную степень аффилированности с группой.

В ходе расследования преступления в г. Виткове следствие установило лишь «наличие праворадикальной литературы» в доме подозреваемого. Означает ли это, что подозреваемый был членом данной группы, или же он изучал литературу для каких-то других целей? Суд не придавал значения заявлениям адвоката одного из подозреваемых и в октябре 2010 г. признал четырех подсудимых виновными по нескольким статьям (покушение на убийство на расовой почве, уничтожение имущества), приговорив трех из них к 22 годам лишения свободы и одного – к 20².

Таким образом, доказательства покушения на убийство и причинения вреда имуществу были представлены следующими прямыми уликами:

данными, полученными в результате прослушивания телефонов подозреваемых;

данными, полученными на основании свидетельских показаний;

¹ Prosecuting Hate Crimes: A Practical Guide. – P. 61.

² Ibid.

результатами экспертиз о соответствии химического состава горючих материалов, обнаруженных на месте преступления и у подозреваемых;

следами изготовления идентичных взрывных устройств (коктейлей Молотова), задействованных на месте преступления и т. д.

В то же время доказательства *мотива* преступления на расовой почве имели косвенный характер и основывались на следующих обстоятельствах:

установленной связи (прямого членства, аффилированности) подозреваемых с крайне правыми группами¹;

наличии праворадикальной литературы у подозреваемых;

совершении преступления 19 апреля (за день до дня рождения Адольфа Гитлера – знаковой, символической фигуры для многих праворадикальных групп).

Отвечая на вопрос о том, каковы же *объективные* критерии, свидетельствующие о мотивации преступления на почве ненависти и экстремизма, сотрудники нескольких подразделений ФБР – Информационной службы криминальной юстиции (Criminal Justice Information Services) и Отдела единой статистической отчетности по преступлениям (Division Uniform Crime Reporting) – разработали совместную программу подготовки по преступлениям на почве ненависти и экстремизма для сотрудников правоохранительных органов². В этой программе выделяются 14 пунктов, которые необходимо взять на вооружение всем должностным лицам, ответственным за квалификацию преступлений на почве ненависти и экстремизма. Однако важный аспект в толковании указанных преступлений связан с тем, что «сам факт того, что преступник настроен против реальной или предполагаемой расы, религии, инвалидности, сексуальной ориентации, национальности, пола или гендерной идентичности жертвы, не означает, что конкретное преступление совершено на основе предубеждения»³. Как утверждается в программе, квалификация мотивации преступника неизбежно связана с оценкой субъективных признаков, зачастую не поддающихся однозначной объектива-

¹ Prosecuting Hate Crimes: A Practical Guide. – P. 61.

² Criminal Justice Information Services. Division Uniform Crime Reporting Program. Hate Crime Data Collection Guidelines and Training Manual.

³ Ibid. – P. 4.

ции, поэтому «трудно точно утверждать, что преступление было результатом предубеждения (bias) правонарушителя. По этой причине необходимо выявление объективных фактов, прежде чем деяние будет квалифицировано как совершенное на почве ненависти»¹.

Говоря об объективных фактах при оценке преступлений на почве ненависти, авторы вышеуказанной программы ФБР, однако, отмечают, что ни один из нижеприведенных фактов не может быть решающим, и, как правило, доказательная сила указанных улик действует «лишь в совокупности», что отсылает нас к проблеме доказывания по преступлениям на основе ненависти и экстремизма при помощи косвенных доказательств.

Таким образом, объективными маркерами преступления на почве ненависти, согласно программе ФБР, являются следующие факты:

преступник и потерпевший относятся к разным социальным группам на основе расы, религии, инвалидности, сексуальной ориентации, национальности, пола или гендерной идентичности;

преступник сопровождал деяние устными комментариями, письменными заявлениями или жестами, символизирующими его негативное предубеждение по отношению к потерпевшему;

на месте преступления установлено наличие специальной символики: рисунков, маркировки или граффити;

преступники использовали специальные элементы амуниции и экипировки, предметы, указывающие на те или иные формы экстремистской идеологии;

потерпевший являлся членом социальной группы, которую численно превосходят другие группы в месте преступления;

потерпевший посещал места, в которых напряженность в отношении его группы считается высокой или в которых ранее совершались преступления на почве ненависти по признаку расы, религии, инвалидности, сексуальной ориентации, национальности, пола или гендерной идентичности;

несколько похожих инцидентов произошли в одной и той же местности, примерно в одно и то же время, причем потерпев-

¹ Criminal Justice Information Services. Division Uniform Crime Reporting Program. Hate Crime Data Collection Guidelines and Training Manual. – P. 4.

шие относились к одной и той же группе по признаку расы, религии, инвалидности, сексуальной ориентации, национальности, пола или гендерной идентичности;

значительная часть сообщества потерпевшего идентифицирует инцидент как вызванный предубеждением против членов данной социальной группы;

потерпевшие занимались деятельностью, связанной с осуществлением культовых, национальных или иных интересов, в том числе по признаку инвалидности, сексуальной ориентации, национальности или гендерной идентичности;

инцидент совпал с праздником или датой, которые являются значимыми для группы, относящейся к определенной расе, религии, той или иной форме инвалидности, сексуальной ориентации, этнической принадлежности, полу или гендерной идентичности;

преступник ранее участвовал в подобном преступлении на почве ненависти или является членом группировки, с установленным экстремистским видом деятельности;

присутствовали признаки того, что инцидент связан с определенной группой;

исторически установлены напряженные отношения и враждебность между группой потерпевшего и преступника;

потерпевший не является непосредственным членом социальной группы, объединенной по признаку расы, религии, инвалидности, сексуальной ориентации, национальности, пола или гендерной идентичности, но является членом правозащитного объединения, поддерживающего одну из таких групп¹.

В аналитике, сопровождающей указанный перечень маркеров мотивации по преступлениям на почве ненависти и экстремизма, указывается, что при «доказывании предубеждения необходимо соблюдать меры предосторожности. Например, преступник называет потерпевшего оскорбительным расистским словом, нападая на него. Из этого можно сделать вывод о мотиве ненависти, но оказывается, что преступник и потерпевший были одной национальности»². Здесь возникает два вопроса:

¹ Criminal Justice Information Services. Division Uniform Crime Reporting Program. Hate Crime Data Collection Guidelines and Training Manual. – P. 4.

² Ibid. – P. 6.

1. Будучи одной национальности с потерпевшим, разве нельзя иметь стойкое предубеждение, основанное на ненависти к своему народу, религии, полу и т. д.?

2. Зачастую в преступлениях играют роль не столько объективные характеристики потерпевшего и его группы, сколько воспринимаемые признаки, которые преступник переносит на потерпевшего и его социальное окружение.

Как отмечалось выше, экстремизм и преступления на почве ненависти – это сложные социальные феномены. Каким образом квалифицировать насильственное нападение на расовой почве на потерпевшего итальянской национальности, которого преступник идентифицировал как представителя «народа рома», т. е. ошибочно отнес к лицам цыганской национальности? Согласно вышеприведенным дефинициям, в этом случае дело о преступлении на почве ненависти не может быть возбуждено.

Указанные трудности, сочетаясь с проблемами смешанных мотиваций преступления и неопределенности понятия «социальная группа», зачастую приводят к двойственности при квалификации преступлений. Рассмотрим пример судебной интерпретации обстоятельств дела: «К взрослому белому мужчине подошли четыре белых подростка и попросили деньги на автобус. Когда потерпевший им отказал, один из молодых людей сказал другим: «Давайте подадим урок этому... (эпитет для лица с нетрадиционной сексуальной ориентацией)». Потерпевшего избили ударами в лицо, повалили на землю, пинали несколько раз. Свое преступление подростки дополнили ограблением, отняв у потерпевшего его наручные часы, кольца и бумажник»¹. Следствием было установлено, что преступники восприняли потерпевшего в качестве лица нетрадиционной ориентации, в то время как он таковым не являлся. Возникает вопрос: каким образом квалифицировать этот инцидент? Потерпевший и преступники относились к одной социальной группе, различия в их социальном статусе возникли из-за ошибочного восприятия нападающими сексуальной ориентации жертвы.

¹ Criminal Justice Information Services. Division Uniform Crime Reporting Program. Hate Crime Data Collection Guidelines and Training Manual. – P. 22.

Рассмотрим другой вопрос. Из вышеприведенного перечня объективных маркеров преступления на почве ненависти следует, что если во время совершения преступления имеют место «устные комментарии, письменные заявления или жесты преступника, символизирующие его предубеждение, например оскорбительные эпитеты в отношении жертвы на расовой или иной почве»¹, то данное деяние, вероятно, относится к преступлениям на почве ненависти. Однако криминалисты и следователи часто сталкиваются с тем, что при совершении «обычных» ограблений или преступлений из хулиганских побуждений преступники используют оскорбительные эпитеты на расовой, религиозной, гендерной почве в отношении потерпевших, заведомо не имея никакой интенции ненависти к социальной группе потерпевших, просто прибегая к типичному ненормативному криминальному лексикону преступных групп. Следует ли в каждом таком случае квалифицировать выражение оскорблений как объективный маркер преступления на почве ненависти? Вопрос осложняется тем, что толкование высказываний, символизирующих о преступных деяниях, – это семантическая процедура, действующая трудно объективируемые признаки – ценности, убеждения, настроения и в целом мир психических феноменов преступника.

Как отмечается в программе подготовки сотрудников правоохранительных органов по преступлениям на почве ненависти и экстремизма, разработанной подразделениями ФБР, вышеописанный инцидент с нападением хулиганов на белого мужчину, ошибочно воспринятого ими в качестве лица нетрадиционной сексуальной ориентации, следует квалифицировать как обычное «нападение, сопровождающееся грабежом» (*offense-robbery*), а не как преступление на почве ненависти².

Итак, реконструируем ход событий по данному преступлению. На потерпевшего совершается нападение, сопровождающееся оскорблениями на почве сексуальной ориентации и ограблением. Выявив факт *непринадлежности* потерпевшего к предполагаемой преступниками социальной группе, суд трактует это дело как «обычный грабеж», а высказывания, направлен-

¹ Criminal Justice Information Services. Division Uniform Crime Reporting Program. Hate Crime Data Collection Guidelines and Training Manual. – P. 4.

² Ibid. – P. 23.

ные против гомосексуалистов – как «частый прием нападающих»¹. Оскорбления на гендерной почве, адресованные потерпевшему, вместо объективного «маркера преступления на основе ненависти» становятся простым элементом преступного лексикона. А теперь, мысленно предпринимая следственный эксперимент, представим себе, что потерпевший в действительности относится к лицам с нетрадиционной сексуальной ориентацией. Как квалифицировать преступление с этим новым признаком потерпевшего? Будут ли теперь оскорбления такого рода в отношении потерпевшего, произнесенные преступником в момент совершения преступления, трактоваться судом как ничего не означающая «вербальная часть криминальной риторики»? Вероятнее всего, – нет, поскольку адвокаты потерпевшего будут настаивать на дискриминационном характере преступления, на том, что потерпевший был *выбран* нападавшими из-за его принадлежности к одной из защищаемых законом групп.

Указанная трудность в толковании квалификационных признаков преступлений на почве ненависти выражается в том, что дела, близкие по своей криминальной компоненте, могут трактоваться судами совершенно по-разному. Например, «белый гетеросексуальный мужчина среднего возраста, проходя мимо бара для гомосексуалистов, стал жертвой нападения шести подростков, которые ошибочно посчитали, что человек, выходящий из бара, является гомосексуалистом. Хотя преступники ошиблись по обоим пунктам, т. е. потерпевший не посещал данного бара и не относился к лицам нетрадиционной сексуальной ориентации, суд счел данное преступление мотивированным на почве ненависти, потому что оно было вызвано предубеждением преступников против гомосексуалистов»². В этом случае очевидно, что принадлежность или непринадлежность потерпевшего к указанной социальной группе, в отличие от вышеприведенного случая с ограблением, никак не влияет на юридическую квалификацию деяния.

Сложность судебной квалификации преступлений на почве ненависти, в случае если имело место ошибочное восприятие

¹Criminal Justice Information Services. Division Uniform Crime Reporting Program. Hate Crime Data Collection Guidelines and Training Manual. – P. 23.

² Ibid.

преступником качеств жертвы, уже рассматривалась выше, в связи с делом «Мартинес против штата Техас» (Martinez v. Texas, 980 S.W.2d 682, 1998). По данному делу известно, что Пабло Мартинесу было предъявлено обвинение на основании Уголовного кодекса штата Техас (раздел 19.03(a)(8))¹ за убийство шестилетнего ребенка. «Мартинес совершил преступление по причине предубеждения или предвзятого отношения по признаку пола и расы, что усилило тяжесть наказания... жюри присяжных определило максимальное наказание в 20 лет»². Итак, Мартинес ошибся в восприятии ребенка, ложно идентифицировав его как афроамериканца. Как было установлено позднее, преступник и потерпевший не принадлежали к разным этническим группам, а, согласно вышеуказанной программе ФБР, первым маркером преступления на почве ненависти является то, что «преступник и жертва относятся к разным социальным группам на основе расы, религии, инвалидности, сексуальной ориентации, национальности или гендерной идентичности»³. В этом деле такая предпосылка отсутствовала. Однако, отвечая на вопрос о том, насколько справедливо обвинять преступника по преступлению на основе ненависти, «суд постановил, что если предубеждение против определенной расы людей способствовало выбору потерпевшего в качестве жертвы преступления, то не имеет значения, что потерпевший на самом деле не являлся представителем этой расы»⁴. Таким образом, важное значение имеют воображаемые признаки социальной группы, которыми преступник «наделил» жертву.

Работая с вышеуказанными признаками при квалификации преступных деяний, сотрудники правоохранительных органов должны иметь в виду, что улики, оставленные на месте преступления, зачастую имеют дезинформирующий характер, «чтобы создать ложное впечатление, что инцидент был вызван ненавистью и предубеждением»⁵.

¹ URL: <http://codes.lp.findlaw.com/txstatutes/PE/5/19/19>. (дата обращения: 26.06.2015).

² Streissguth T. Op. cit. – P. 90.

³ Criminal Justice Information Services. Division Uniform Crime Reporting Program. Hate Crime Data Collection Guidelines and Training Manual. – P. 6.

⁴ Gardner T.J., Terry M. Anderson. Criminal Law. – Belmont, 2011. – P. 290.

⁵ Ibid.

В заключение отметим, что проблемы судебной практики квалификации и доказывания по преступлениям на почве ненависти и экстремизма в зарубежном праве весьма очевидны. Дефинитивная неопределенность ряда ключевых понятий, мозаичность и, как следствие, коллизионность зарубежного правового противодействия экстремизму и преступлениям на почве ненависти имеют существенное выражение. Однако указанные трудности решаются посредством создания комплекса мер, направленных на повышение общей правовой культуры противодействия экстремизму и преступлениям, основанным на предубеждениях. В этот комплекс входит разработка материалов для повышения квалификации сотрудников правоохранительных органов, прокурорских работников, всех специалистов, задействованных в процессе противодействия экстремизму. Другим фактором, способствующим повышению эффективности борьбы с преступлениями на почве ненависти, является разработка аналитических материалов, направленных на уточнение дефинитивных особенностей при квалификации преступлений указанного типа, а также процессуальных механизмов судебного доказывания. Важнейшее значение также имеют исследования, направленные на осмысление экстремизма и в целом делинквентности на почве ненависти в контексте изучения сложной структуры социальных феноменов, в которых, как правило, и формируется та или иная предрасположенность к экстремизму.

Одной из задач, стоящих перед современной правоохранительной системой, является изучение экстремизма не только в фазе его пиковой активности, но и на уровне формирования, зарождения преступных наклонностей, мировоззренческих установок, потенциально влияющих на последующие мотивации поступков.

Литература

1. Adams D.M. Punishing Hate and Achieving Equality // *Criminal Justice Ethics*. – 2005. – № 24 (1). – PP. 19–30.
2. Addison N. *Religious Discrimination and Hatred Law*. – NY., 2007.
3. Adler M., Himma K. *The Rule of Recognition and the U.S. Constitution*. – Oxford, 2009.
4. Ashworth A., *Sentencing and Criminal Justice*. – Cambridge, 2010.
5. Baehr A.R. A Feminist Liberal Approach to Hate Crime Legislation // *Journal of Social Psychology*. – 2003. – № 34 (1). – PP. 134–152.
6. Berk R., Boyd E., Hamner K. *Thinking More Clearly About Hate-Motivated Crimes*. – Newbury Park, California, 1992.
7. Bex J. *Arguments, Stories and Criminal Evidence*. – Dordrecht, 2011.
8. Braunthal G. *Right-Wing Extremism in Contemporary Germany. New Perspectives in German Studies*. – Hampshire, 2009.
9. Bruinsma G., Weisburd D. *Encyclopaedia of Criminology and Criminal Justice*. – NY., 2014.
10. *Confronting the New Faces of Hate: Hate Crimes in America*. – Washington, 2009.
11. Craig K.M., Waldo C.R. So, What's a Hate Crime Anyway? Young Adults' Perceptions of Hate Crimes, Victims, and Perpetrators // *Law and Human Behaviour*. – 1996. – № 20 (2). – PP. 113–129.
12. *Criminal Justice Information Services, Division Uniform Crime Reporting Program. Hate Crime Data Collection Guidelines and Training Manual*. – Washington, 2015.
13. Damgaard C. *Individual Criminal Responsibility for Core International Crimes*. – Heidelberg, 2008.
14. Eith C.A. *Delinquency, Schools, and the Social Bond. Criminal Justice*. – NY., 2005.
15. Evans C. *Evidence in Criminal Justice*. – NY., 2010.
16. *Federal Bureau of Investigation, U.S. Department of Justice. Crime in the United States. Uniform Crime Reports*. – Washington, 2004.
17. Gardner T.J. Terry M. Anderson. *Criminal Law*. – Belmont, 2011.

18. Hall D.E. Criminal Law and Procedure. – Delmar, 2012.
19. Halpin A. Definition in the Criminal Law. – Oxford, 2004.
20. Halverson J.R., Corman S.R. Master Narratives of Islamist Extremism. – NY., 2011.
21. Hate Crimes in the OSCE Region: Incidents and Responses. – Warsaw, 2013.
22. Home Office, Office for National Statistics, Ministry of Justice. An Overview of Hate Crime in England and Wales. – London, 2013.
23. Horowitz I.L., Bramson V.C. Skokie, the ACLU and the Endurance of Democratic Theory // Democratic Theory, Law and Contemporary Problems. – 1979. – № 2. – PP. 328–349.
24. Hudson D.L.Jr. Hate Crimes. – NY., 2009.
25. Hurd H.M. Why Liberals Should Hate Crime Legislation // Law and Philosophy. – 2001. – № 20 (2). – PP. 215–232.
26. Ingram K. Fear and Hatred: An Analysis of Hate Crime Arguments – Washington, 2009.
27. Jacobs J.B., Potter K.A. Hate Crimes: A Critical Perspective // Crime and Justice. – 1997. – № 22. – PP. 1–50.
28. Jefferson M. Criminal Law. UK Edition. – Essex, 2007.
29. Jenness V. Managing Differences and Making Legislation: Social Movements and the Racialization, Sexualisation, and Gendering of Federal Hate Crime Law in the U.S., 1985–1998 // Social Problems. – 1999. – № 46 (4). – PP. 548–571.
30. Joycelyn M. Pollock. Criminal Law. – NY., 2013.
31. Kahan D.M. Two Liberal Fallacies in the Hate Crimes Debate // Law and Philosophy. – 2001. – № 20.
32. Kamala D. Harris. Hate Crime in California. – Sacramento, 2012.
33. Khan L. A Theory of International Terrorism. Understanding Islamic Militancy Developments in International Law. – Boston, 2006.
34. Knoops G.J. Defences in Contemporary International Criminal Law. – Leiden, 2008.
35. Law Commission Consultation Paper № 213. Hate Crime: the Case for Extending the Existing Offences. – London, 2013.
36. Lee L.L. Hating Hate Crime Legislation // Sociological Imagination. – Ontario, 2014. – Vol. 3. – Iss. 1.

37. Mann T.E., Ornstein N.J. *It's Even Worse Than it Looks. How the American Constitutional System Collided With the New Politics of Extremism.* – NY., 2012.

38. McPhail B.A. *Hating Hate: Policy Implications of Hate Crime Legislation // The Social Service Review.* – 2000. – № 74 (4). – PP. 635–653.

39. Midlarsky M. *Origins of Political Extremism. Mass Violence in the Twentieth Century and Beyond.* – Cambridge, 2011.

40. Mitsilegas V. *EU Criminal Law. Modern Studies in European Law.* – Oxford, 2009.

41. Mudde C. *Racist Extremism in Central and Eastern Europe. Rutledge Studies in Extremism and Democracy.* – London, 2005.

42. *New York City Police Department. Reporting and Utilization of Bias Incident Data.* – NY., 2014.

43. *New York's Hate Crimes Law: An Assessment.* – NY., 2013.

44. Norrie A. *Punishment, Responsibility, and Justice. A Relational Critique. Oxford Monographs on Criminal Law and Justice.* – Oxford, 2001.

45. Paradis C., Ramsland K. *The Measure of Madness Inside the Disturbed and Disturbing Criminal Mind.* – Kensington, 2010.

46. Perry B. *Where Do We Go From Here? Researching Hate Crime // Journal of Criminology.* – 2003. – PP. 1–59.

47. Perry B. *Defending the Colour Line: Racially and Ethnically Motivated Hate Crime // American Behavioural Scientist.* – 2002. – № 46. – PP. 27–50.

48. Pollock J.M. *Criminal Law.* – NY., 2013.

49. *Preventing and Responding to Hate Crimes. A Resource Guide for NGOs in the OSCE Region.* – Warsaw, 2009.

50. *Prosecuting Hate Crimes: A Practical Guide.* – Warsaw, 2014.

51. Rabasa A., Pettyjohn S. *Deradicalizing Islamist Extremists.* – Santa Monica, 2011.

52. Roberson C., Dimarino F. *American Criminal Courts.* – Boston, 2011.

53. Robin S.P., Bryant M.A., H. Horvath. *Understanding Criminal Investigation.* – Oxford, 2009.

54. Rossmo D.K. *Criminal Investigative Failures.* – NY., 2008.

55. Rubin E.L. *Nazis, Skokie, and the First Amendment as Virtue // California Law Review.* – 1986. – Vol. 74. – Iss. 1. – PP. 233–260.

56. Samaha J. Criminal Law. – Belmont, 2014.
57. Scheb J.M. Criminal Law. – Belmont, 2012.
58. Shively M. Study of Literature and Legislation on Hate Crime in America. – Washington, 2005.
59. Silke A. Terrorists, Victims and Society. Psychological Perspectives on Terrorism and its Consequences. Wiley Series in Psychology of Crime, Policing and Law. – Leicester, 2006.
60. Simester A., Smith A.T. Harm and Culpability. Monographs on Criminal Law and Justice. – Oxford, 1996.
61. Streissguth T. Hate crimes. – NY., 2003.
62. The Encyclopaedia of Peace, Violence, and Conflict. – Austin, 2008.
63. The Law Commission. Hate Crime: Should the Current Offences Be Extended? – London, 2014.
64. Tong S., Bryant R., Horvath M. Understanding Criminal Investigation. Wiley Series in Psychology of Crime, Policing and Law. – Leicester, 2009.
65. Vormbaum T., Bohlander M. A Modern History of German Criminal Law. – Durham, 2014.
66. Waldron J. The Harm in Hate Speech. – Harvard, 2012.
67. Weinberg L. Political Parties and Terrorist Groups. Extremism and Democracy. – NY., 2008.
68. Gale T. Extremist Groups. Information for Students. – NY., 2006.
69. Weisburd D., Chester B. Statistics in Criminal Justice. – Boston, 2007.
70. Wellman C.H. A Defence of Stiffer Penalties for Hate Crimes // *Nypatia*. – 2006. – № 21 (2). – PP. 62–80.
71. Сазерс Д. Американский подход к рассмотрению преступлений на почве ненависти и обеспечению свободы слова // Российское и зарубежное законодательство о преступлениях на почве расовой ненависти. Экспертиза, защита участников процесса: материалы семинара, 28 окт. 2011 г.: стенографич. отчет. – СПб., 2011. – С. 13–17.
72. URL: <http://www.justice.gov/archive/crs/pubs/prevyouhatecrim.pdf> (дата обращения: 23.04.2015).
73. URL: <http://law.justia.com/codes/new-hampshire/2014/> (дата обращения: 24.11.2014).

74. URL: <http://www.adl.org/assets/pdf/combating-hate/What-you-need-to-know-about-НСПА.pdf> (дата обращения: 06.08.2014).

75. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1998/37/section/28> (дата обращения: 22.04.2015).

76. URL: <http://caselaw.findlaw.com/us-7th-circuit/1203964.html> (дата обращения: 22.04.2015).

77. URL: <http://criminaljustice.state.ny.us/crimnet/clf/hatecrimesact2000.pdf> (дата обращения: 27.03.2015).

78. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng-press/pages/search.aspx?i=003-2072690-2194631> (дата обращения: 18.06.2015).

79. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-80711> (дата обращения: 22.06.2015).

80. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-85308> (дата обращения: 19.06.2015).

81. URL: <http://romove.radio.cz/en/article/23320/limit#kw> (дата обращения: 22.06.2015).

82. URL: <http://www.bailii.org/ew/cases/EWCA/Crim/2010/1931.html> (дата обращения: 23.02.2015).

83. URL: <http://www.bailii.org/uk/cases/UKSC/2013/77.html> (дата обращения: 12.04.2015)

84. URL: <http://www.buzzfeed.com/mikehayes/over-100-muslim-groups-call-for-federal-hate-crime> (дата обращения: 07.06.2015).

85. URL: <http://www.cs.cmu.edu/~dst/cowen/audit/segerdal.html> (дата обращения: 17.04.2015).

86. URL: <http://www.fbi.gov/about-us/cjis/ucr/hate-crime/2011/resources/hate-crime-statistics-act> (дата обращения: (18.05.2015).

87. URL: <http://www.justice.gov/crt/about/crm/matthewshepard.php> (дата обращения: 17.04.2015).

88. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1971/48/contents> (дата обращения: 03.02.2015).

89. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1997/40/contents> (дата обращения: 04.02.2015).

90. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1998/37/contents> (дата обращения: 19.09.2014).

91. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1998/37/section/28> (дата обращения: 14.05.2015).

92. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2001/24/contents> (дата обращения: 15.09.2014).

93. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2003/44/contents> (дата обращения: 15.09.2014).

94. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/Vict/24-25/100/contents> (дата обращения: 12.11.2014).

95. URL: <http://www.legislationline.org/documents/id/16627> (дата обращения: 22.06.2015).

96. URL: <http://www.ncpc.org/topics/hate-crime/strategies> (дата обращения: 12.05.2015).

97. URL: <http://www.ncpc.org/topics/hate-crime/strategies/strategy-multilingual-reporting-and-education-services> (дата обращения: 07.05.2015).

98. URL: <http://www.ncpc.org/topics/hate-crime/strategies/strategy-raising-cultural-awareness> (дата обращения: 27.04.2015).

99. URL: <http://www.ncpc.org/topics/hate-crime/strategies/strategy-support-for-hate-crime-victims> (дата обращения: 20.04.2015).

100. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/northamerica/usa/11405005/Chapel-Hill-shooting-Three-American-Muslims-killed.html> (дата обращения: 21.06.2015).

101. URL: <http://www.townofchapelhill.org/Home/Components/News/News/8372> (дата обращения: 07.06.2015).

102. URL: <http://www.wsj.com/articles/doj-scrutinizes-chapel-hill-killings-to-determine-if-hate-crime-1423875140> (дата обращения: 07.06.2015).

103. URL: <https://docs.legis.wisconsin.gov/statutes/statutes/939/IV/645> (дата обращения: 17.08.2014).

104. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/432/43/case.html> (дата обращения: 07.08.2014).

105. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/491/397/> (дата обращения: 10.10.2014).

106. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/505/377/case.html> (дата обращения: 22.12.2014).

107. URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/530/466/> (дата обращения: 22.04.2015).

108. URL: <https://www.congress.gov/bill/103rd-congress/house-bill/1152> (дата обращения: 24.05.2015).

109. URL: <https://www.govtrack.us/congress/bills/103/hr1152/text> (дата обращения: 07.05.2015).

110. URL: <https://www.govtrack.us/congress/bills/111/hr1913/text> (дата обращения: 17.04.2015).

111. URL: <https://www.law.cornell.edu/supct/html/02-1632.ZO.html> (дата обращения: 22.04.2015).
112. URL: <https://www.law.cornell.edu/supct/html/02-1632.ZS.html> (дата обращения: 22.04.2015).
113. URL: <https://www.law.cornell.edu/supremecourt/text/315/568> (дата обращения: 23.11.2014).
114. URL: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/245> (дата обращения: 18.04.2015).
115. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2000/6/contents> (дата обращения: 18.09.2014).
116. URL: <http://www.fbi.gov/about-us/cjis/ucr/ucr> (дата обращения: 26.02.2015).
117. URL: <https://www.ncjrs.gov/txtfiles/billfs.txt> (дата обращения: 07.08.2014).
118. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/1/contents> (дата обращения: 15.09.2014).
119. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/3/section/44> (дата обращения: 22.04.2015).
120. URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2008/4/pdfs/ukpga_20080004_en.pdf (дата обращения: 06.02.2015).
121. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2008/4/contents> (дата обращения: 16.10.2014).
122. URL: <http://caselaw.echr.globe24h.com/0/0/serbia/2010/12/14/milanovic-v-serbia-668-44614-07.shtml> (дата обращения: 07.06.2015).
123. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2012/10/contents/enacted> (дата обращения: 07.08.2014).
124. URL: <http://www.theguardian.com/world/2013/oct/10> (дата обращения: 11.10.2014).
125. URL: <http://www.criminaljustice.ny.gov> (дата обращения: 07.09.2014).
126. URL: <http://www.washingtonpost.com/news/grade-point/wp/2015/02/11/two-north-carolina-universities-in-mourning-wednesday-after-chapel-hill-shooting/> (дата обращения: 07.06.2015).
127. URL: <http://www.nytimes.com/2015/03/04/us/chapel-hill-muslim-student-shootings-north-carolina.html> (дата обращения: 07.06.2015).
128. URL: <http://www.ncpc.org> (дата обращения: 24.04.2015).
129. URL: <http://www.hrights.ru/text/b4/Chapter17.htm> (дата обращения: 12.11.2014).

130. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1976/74> (дата обращения: 15.09.2014).

131. URL: <https://www.ncjrs.gov/txtfiles/billfs.txt> (дата обращения: 17.15.2015).

132. URL: <http://codes.lp.findlaw.com/txstatutes/PE/5/19/19> (дата обращения: 26.06.2015).

133. URL: <http://codes.lp.findlaw.com/txstatutes/PE/5/19/19.03> (дата обращения: 26.02.2015).

Оглавление

Глава 1. Международный опыт правового противодействия преступлениям на почве ненависти и экстремизма.....	3
1.1. Развитие зарубежного уголовного законодательства против преступлений, основанных на предубеждении.....	3
1.2. Зарубежная практика судебной квалификации и доказывания преступлений на почве ненависти и экстремизма.....	33
Глава 2. Проблемы правового противодействия преступлениям на почве ненависти и экстремизма: зарубежный опыт.....	60
2.1. Концептуальные трудности уголовного законодательства в борьбе против преступлений на почве ненависти и экстремизма.....	60
2.2. Проблемы судебной квалификации и доказывания преступлений на почве ненависти и экстремизма: зарубежный опыт.....	84
Литература.....	112

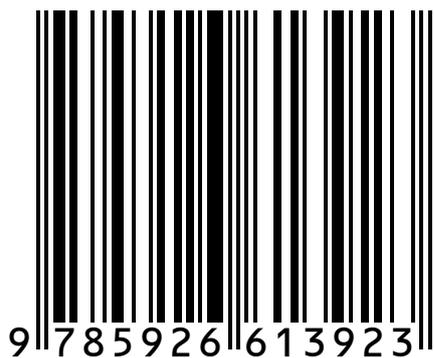
Научное издание

Кубякин Евгений Олегович

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ
ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
ПРЕСТУПЛЕНИЯМ НА ПОЧВЕ НЕНАВИСТИ
И ЭКСТРЕМИЗМА**

Редактор *М. В. Краснобаева*
Компьютерная верстка *Н. А. Никитиной*

ISBN 978-5-9266-1392-3

Подписано в печать 22.01.2018. Формат 60x84 1/16.
Усл. печ. л. 7,1. Тираж 500 экз. Заказ 659.

Краснодарский университет МВД России.
350005, Краснодар, ул. Ярославская, 128.